ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

Валькины друзья и паруса

Д

Дорогая
Галочка!
Поздравляю тебя с
днём рождения! Желаю
тебе всего-всего наилучшего в
твоей жизни, учёбе, здоровья.
от Лиды А.
25/III-68г.

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

Валькины друзья и паруса

Рисунки В. Богаткина

Издательство
„Детская литература"
Москва · 1967

Р2
К77

Человеку неполных двенадцать лет. У него есть мечты и тайны. Есть друзья, которых он находит нелегко, но, кажется, удачно. Нет врагов. Какие могут быть враги у обыкновенного пятиклассника — спокойного, недрачливого Вальки Бегунова? Но среди ребят и среди взрослых встречаются иногда люди холодные, глупые и злые. Проходят дни, и Валька убеждается, что с такими людьми тоже надо воевать. И он защищает от них сначала город, построенный из песка малышами, потом парусную шхуну, которую придумал. Потом свой красный галстук.

Всегда ли он прав в своих обидах и спорах? Решайте сами. По крайней мере, он всегда верен друзьям. И когда в горькую свою минуту он слышит, как зовут на помощь: «Валька, пожалуйста, встань!», он встаёт и идёт. Забывает понемногу о своей беде. Он ещё не знает, что и на его защиту встают товарищи. Поднимаются так же дружно, как поднимался сводный отряд барабанщиков, когда принимал Вальку в пионеры.

7—6—2

НАЧАЛО. БАРАБАНЩИКИ

Барабанщики шли встречать солнце...

Об этом надо рассказать сейчас. После будет некогда. Речь пойдёт о зимних синих рассветах, о песчаном городе с цветными стёклами, о двухмачтовой марсельной шхуне, о предательстве и дружбе и о том, как трудно держать в руке огонь.

А о барабанщиках придётся вспомнить всего один раз. Тогда уже не будет времени, чтобы всё объяснять. Лучше рассказать о них сразу.

Итак, барабанщики шли встречать солнце.

Валька шёл за ними.

Он шагал по колено в траве, холодной и жёсткой. Пробирался по кустам. Трава и кусты были

сплошь в росе. С листьев, будто с маленьких ладоней, скатывались тысячи тяжёлых капель. Валька вздрагивал, ёжился, но шагал и шагал, прикрывая локтем лицо от хлёстких веток.

Он не знал дороги и боялся отстать.

Валькина рубашка и тонкие полотняные штаны уже насквозь пропитались росой. Тапочки раскисли и стали скользкими. Ноги горели от царапин. Кровь проступала мелкими каплями, и они висели на царапинах, словно бусинки на нитках.

Путь к реке лежал через вырубки с невысокой берёзовой порослью и широкие поляны. Среди кустов, над травами, Валька видел впереди барабанщиков.

Они двигались редкой растянутой цепью. Шли без разговоров и переклички, размашистым лёгким шагом. Перескакивали через пни и ямы, огибали чёрные шапки кустарников. Шли прямо туда, где разгорались разноцветные полосы рассвета.

В этом быстром и молчаливом движении была торжественность и непонятная тревога. Словно солнце могло не взойти, если барабанщики опоздают.

Но они никогда не опаздывали к восходу.

Каждый год в начале каждой смены наступало утро, когда сводный отряд барабанщиков поднимался ещё до рассвета. В окнах ползли серые сумерки и гасли звёзды. Несколько человек откидывали одеяла. Это были опытные барабанщики — они приезжали в лагерь не первый раз. Они бесшумно и безжалостно будили новичков. Потом пробирались в дачу к малышам и выносили на руках барабанщиков октябрятских отрядов — вместе с барабанами и одеждой. Стояла тишина, только барабаны, цепляясь за косяки, негромко и встревоженно гудели.

Малышей приводили в чувство на крыльце:

— Тихо ты... Стой и не хнычь. Сам ведь вчера просился. Будешь ты стоять, наконец? Ребята, волоките его назад...

— Не-е...

— Если «не», надевай штаны. А ботинки где?

Потом они строились за оградой. Барабанщики-сигналисты, барабанщики знаменосной группы, барабанщики отрядов.

— Все готовы?

— Готовы!

— На левом фланге не спят?

— Проснулись!

— Внимание, отряд... К востоку лицом... цепью... пошли!

Так было всегда. С тех пор, как появился в этих лесах пионерский лагерь «Рассветный». А появился он давно — первые барабанщики его уже выросли. Никто теперь не помнил, откуда повелось встречать солнце весёлой барабанной дробью. Но обычай этот стал законом, который не могли отменить самые суровые начальники и самые непреклонные врачи.

Валька не был барабанщиком. Он не мог им быть. Но когда он узнал про их строгий и немного таинственный обычай, что-то шевельнулось у него в душе. Какое-то беспокойное чувство, похожее на зависть. Но нет, не зависть. Скорее острая грусть от того, что не может пойти вместе с ними.

Барабанщики, встречающие рассвет...

Валька понимал, что сводный отряд недоступен для него, но беспокойство не проходило. И в три часа утра Валька проснулся от ясной тревоги, что он может опоздать. Он увидел, как с кровати скользнул барабанщик третьего отряда Генка Соловьёв, и вспомнил всё.

Небо на восходе разгоралось. Разноцветные полосы тонких облаков растворились в ровном пламени рассвета.

Дальние кусты уже не казались чёрными. Загоралась роса.

Барабанщики пошли медленнее. Цепь разорвалась, и каждый шёл сам по себе. Многие первый раз видели июньский восход.

Вальке стало труднее прятаться. Ему пришлось обойти стороной громадную поляну, чтобы незамеченным добраться до прибрежной полосы кустов. Но он обогнал ребят и первый вышел к реке.

За рекой, по тёмному гребню леса, уже растекалось жидкое золото — предвестник очень близкого солнца. А реки не было видно под косматой шубой тумана.

Барабанщики по одному выходили на берег.

Валька отошёл и скрылся в густом переплетении веток. Снова посыпалась роса, но он уже привык и даже не вздрагивал.

Барабанщики встали редкой ломаной линией у края обрыва. Левофланговый оказался в десяти шагах от Вальки. Маленький, один из тех, кого будили уже на крыльце. В наспех зашнурованных ботинках и в рубашке с косо застёгнутым воротом. У него было напряжённое серьёзное лицо с пухлыми, но плотно сжатыми губами. А коротенькие светлые волосы смешно топорщились. Он мог бы показаться кому-нибудь забавным из-за своей слишком усердной серьёзности. Но не Вальке. Валька понимал.

Малыш стоял с низко наклонённой головой и опущенными руками. В каждой руке — палочка. Так же стояли и другие. Девятнадцать неподвижных, молчаливых барабанщиков. О чём они думали? Почему вдруг перед самым восходом

Барабанщики шли встречать рассвет.

подкралась грустная минута? Или так полагалось? Валька не успел понять.

Рра-рах! — отчётливо сказал на правом фланге барабан. Маленький левофланговый вскинул голову и торопливо поднял палочки.

Дзамм... Та-та...— откликнулись ещё два барабана.

Дд-дам, да-дах...— ответил ещё один. У каждого был свой голос.

Барабанщики стояли теперь с поднятыми головами, будто прислушивались: не откликнется ли кто-нибудь с того берега? То один, то другой посылал короткую и требовательную дробь. Это был им одним понятный разговор.

Та-та-та-та...— осторожно выбил и маленький Валькин сосед.

Барабанные сигналы становились всё длиннее и чаще, сливались, крепли, и Валька вдруг уловил в этом беспорядочном треске и гуденье твёрдый и увлекающий ритм. Ровно, негромко и уже беспрерывно рокотали барабаны новичков. Чёткими и размеренными ударами разбивали этот рокот старшие отрядные барабанщики. А два сигналиста то коротко, то раскатисто, с разными перерывами выговаривали что-то непонятное, но праздничное.

Вальке показалось, что с барабанов сыплются и прыгают по берегу тысячи весёлых жёлтых горошин.

Он забыл, что надо прятаться, и стоял теперь среди веток, открытый по грудь. Но его не видели. Все смотрели вперёд, за реку, за леса, и левофланговый малыш смотрел туда же. А палочки его ровно плясали на белой коже нового барабана.

«Уже научился»,— с неожиданной ласковостью подумал Валька.

Яркий свет прошёл волной по лицу маленького

барабанщика. Заблестел весёлыми точками в сощурившихся глазах и даже на кончиках ресниц зажёг крошечные искры.

Валька взглянул на горизонт. Там стремительно вставало солнце. Чистое, не тронутое красным налётом.

Туман, не ожидавший такого быстрого восхода, испуганно взвихрился длинными спиралями и начал рваться на куски. Жёлтым стеклом засветилась чистая вода. Барабаны торжествующе взревели, разбудили наконец дальнее многоступенчатое эхо и разом оборвали грохот.

Несколько долгих секунд стояла тишина. Потом она разлетелась от криков и смеха. Это был обычный беспорядочный шум, как на школьном дворе после длинного урока. Но смеялись и переговаривались, всё ещё глядя на солнце.

Только сейчас Валька заметил, что среди барабанщиков есть несколько девчонок. И был один человек без барабана. Повыше остальных ребят, смуглый, темноволосый, в зелёной рубашке. Похожий на кубинца. Валька узнал его: это был один из вожатых. Другие вожатые и воспитатели звали его Сашей, а все ребята называли его немного странно — Са́ндро. И это имя ему как-то очень подходило.

— Сандро,— вежливо сказала тонкая длинноногая девчонка,— как ты думаешь, зачем Петька Бревнов стукает меня барабаном по голове?

— Ябеда! — откликнулся коренастый Петька и деловито объяснил: — Я хотел узнать, что гудит сильнее.

Девчонка погналась за ним, и они помчались в сторону Валькиных кустов. Валька присел.

— Ну, дикие!..— неодобрительно произнёс маленький барабанщик. Он стоял на колене, отложив барабан, и перешнуровывал ботинок.

Петька и девчонка сделали круг и снова проскочили, чуть не сбив малыша.

— Вы, страусы! — крикнул он и сердито вскочил.

И зацепил пяткой барабан.

Барабан стал на ребро. Качнулся. И нехотя покатился к обрыву.

Он упал бы в воду у самого берега, но на пути встретил маленький выступ и прыгнул с него, как с трамплина.

Валька вовсе ни о чём не думал. Он увидел растерянные глаза обернувшегося мальчишки и понял: тот сейчас прыгнет. И прыгнул сам.

Он точно рассчитал: угодил в одинокий куст черёмухи, росший на середине откоса. Исцарапался, но замедлил скорость и съехал к воде на лавине из песка и комьев глины.

Вода оказалась совсем не холодной. Течение легко обняло Вальку, повернуло, и он увидел барабан. Недалеко, метрах в десяти. Барабан сиял красными мокрыми боками и легкомысленно приплясывал на маленьких волнах, которые кругами разошлись от Вальки.

Валька догнал его, ухватил за лямку и стал выгребать к песчаной полосе ниже по течению. Он плыл и видел, как вниз сыплются ребята. Их криков он не понимал и думал совсем о другом: о том, что берег, оказывается, весь в чёрных сотах стрижиных гнёзд.

Потом он вышел на песок, вытряс воду из барабана и стал смотреть на подбегавших ребят.

— Это наш Валька Бегунов,— выдохнул запыхавшийся Генка Соловьёв.— Вот это да!

— Откуда ты, Валька Бегунов? — спросил Сандро, и в голосе его почудилась усмешка.

— Оттуда... из лагеря,— тихо сказал Валька и стал смотреть на барабан.

— Ясно,— произнёс так же тихо Сандро.— А зачем тебя в воду понесло? Барабан бы и так прибило к берегу.

Валька глянул назад и сразу понял, что прыжок его оказался ненужным и смешным. Здесь был изгиб реки, и течение выбрасывало на песок всё, что плыло у правого берега.

Валька повернулся и пожал плечами. Что он мог сказать?

— Ладно, пошли наверх,—бросил Сандро.

— А знаете, он ведь из-за этого типа в воду сиганул,— неторопливо сказал серьёзный худощавый паренёк, один из самых старших. Он показал на маленького виноватого барабанщика.— Из-за него, точно. Этот уже сам лыжи навострил, да я ухватил его за шиворот.

Малыш тяжело засопел и начал теребить на рубашке эмалевую звёздочку.

— Нечего теперь пыхтеть,— сказали ему.

— Он-то здесь при чём? — с досадой бросил Валька. Сел на твёрдый песок и стал снимать тапочки.

Песок был гораздо холоднее воды.

— Быстро наверх! — повторил Сандро.— Костёр придётся разжигать, сушить тебя. Куда с тобой, с таким мочёным...

— Вот ещё,— хмуро возразил Валька.— Я и был такой. От росы.

— Постой...— Сандро приподнял одну бровь.— А вообще-то, друг милый, ты здесь как оказался?

— Так...

Сандро глянул понимающе.

— Смотался из лагеря, чтобы порыбачить?

«Точно,— обрадовался Валька.— Скажу, что рыбачил. Нет, про удочки спросят. А пускай. Скажу— уплыли».

— Угадал я? — спросил Сандро.

— Я не рыбачил,— сказал Валька.— Я за вами шёл. Просто так.

Барабанщики стояли кругом и разглядывали Вальку с молчаливым сочувствием.

— Зачем? — спросил кто-то.

— Ну... так. Посмотреть,— сказал Валька.

— Чудак! — усмехнулся Сандро.— Прятался-то зачем? Ну, шёл бы и шёл. С нами.

Валька промолчал. Но все смотрели на него выжидающе.

— Я же не знал,— глядя в песок, сказал Валька.— У вас же своё дело. А я кто...

— А кто ты? — спросила длинноногая девчонка и наклонила голову.

— Кто... Никто. Даже не пионер...

— А почему? — спросил Сандро.— Не дорос, что ли?

— Дорос. Я болел, когда всех принимали.

— А потом?

— Что? — не понял Валька.

— Разве потом не могли принять?

— Не знаю... Никто не говорил.

— А ты сам? — спросил Сандро. Он смотрел на Вальку почти равнодушно. Однако за этим равнодушием скрывался какой-то цепкий интерес.

Валька его чувствовал, но не понимал. Это ещё больше смущало его.

— Сам? Не знаю...— неловко сказал он.

— Что ты не знаешь? — с неожиданной досадой бросил Сандро.— «Не знаю, не знаю»!.. Откуда вы такие берётесь, незнающие?..

Валька поднял глаза.

— Я думал, так нельзя,— сказал он.— Разве можно просить об этом самому?

— А-а... — протянул Сандро.

Валька смотрел на него и чего-то ждал.

— Ясное дело,— сказал Сандро.— А может быть, тебя в лагере принять в пионеры?.. Чтобы ты ходил, не прячась за кустами.

— В лагере? А можно?

— А чего ж... Если отряд решит, то, наверное, можно...

— А вы? — тихо произнёс Валька.

— Что — мы?

— Вы, отряд...— не то спросил, не то просто сказал Валька. И снова опустил голову. Он понял, что краснеет, как девчонка. Ведь проснувшаяся в нём надежда была просто смешной.

Сандро молчал. Барабанщики тоже молчали.

— Ну, знаешь...— сказал Сандро немного растерянно.— Нельзя же так сразу.

— Да я понимаю,— прошептал Валька.

— Нельзя так,— уже уверенней повторил Сандро.— Мы же всего пять дней в лагере.— И добавил уже с усмешкой: — Откуда мы знаем, что за человек Валька Бегунов!

— Да,— сказала длинноногая девчонка и склонила набок голову.— Действительно. Какой ты человек?

Валька пожал плечами.

— Обыкновенный человек,— вдруг сказал Генка Соловьёв.— Как все. Мы с ним в одной палате, кровати рядом. Он мне сатурновскую батарейку для фонарика дал.

— Подумаешь, батарейку дал! — сказала девчонка.

— А ещё в тетрадке что-то всё время рисует, — серьёзно добавил Соловьёв.

— Не в тетрадке, а в альбоме, — хмуро поправил Валька. — И не всё время.

— Ну в альбоме, — согласился Генка. — Я один раз хотел посмотреть, а он как двинет подушкой...

Валька глянул на него исподлобья.

— Сам же под руку полез.

— Ага, — сказал Генка.

Длинноногая девчонка прищурилась и потребовала:

— Пусть расскажет биографию.

Это была, конечно, шутка. Но никто, совсем никто почему-то не засмеялся. Все стояли и молчали, будто это было всерьёз.

— Ребята, — сказал Валька, — ну, я... в пятый класс перешёл. Вот...

— Маму и папу слушаешь? — с тонкой улыбкой спросила девчонка и опять наклонила голову.

Сандро быстро обернулся.

— Катерина, — ласково сказал он, — я понял теперь, почему Бревнов бил тебя барабаном.

Потом снова посмотрел на Вальку.

Может быть, он что-то решал?

Может быть, он думал: будет ли плохой человек подниматься до зари, чтобы взглянуть, как барабанщики встречают солнце?

— Сандро, — позвал кто-то за спиной у Вальки. — Мы ведь правда отряд...

— Джаз-оркестр, а не отряд, — сказал Сандро. — Даже сомкнутым строем стоять не умеете.

Тогда все заговорили разом. Об одном и том же:

— Кому он нужен, этот сомкнутый строй!

— В нём локтями не двинешь!

— А ты сам-то его любил, когда был барабанщиком?

— Мы кто? Гвардейцы её величества?

При этом неожиданном и непонятном споре они забыли о Вальке и кольцом обступили Сандро.

И вдруг замолчали. Разом. Словно встревоженные чем-то.

Валька услыхал в кустах пёструю разноголосицу птиц.

Барабанщики поворачивались к Вальке.

Он стоял на том же месте, мокрый, исцарапанный, с раскисшими тапочками в опущенных руках. Капли падали с тапочек и оставляли на твёрдом песке следы, похожие на крошечные лунные кратеры.

— Однако...— проговорил Сандро.

Валька резко поднял голову. «Я пойду»,— хотел сказать он.

Они стояли широким полукольцом — барабанщики-сигналисты, барабанщики отрядов, барабанщики знаменосной группы. Самый маленький, с эмалевой звёздочкой на рубашке, смотрел на Вальку широченными серыми глазами.

— Три человека пусть займутся костром,— сказал Сандро. И негромко спросил у Вальки: — Обещание знаешь?

Валька вздрогнул, вытянулся. Проглотил комок и кивнул.

В половине девятого лагерь выстроился на утреннюю линейку. Председатель совета дружины — неторопливый очкастый Серёга Лавров — остановился перед старшей вожатой.

— Отряды к подъёму флага готовы. Настрое-

ние бодрое,— сообщил он.— Происшествий нет. На рассвете сводный отряд барабанщиков принял в пионеры Вальку Бегунова. Рапорт сдан.

Вожатая смотрела на него удивлённо и вопросительно, готовясь что-то сказать. Но Лавров, невозмутимо блестя очками, уже опустил поднятую для салюта руку.

— Не Вальку, а Валю,— сказала вожатая.— Рапорт принят. Вольно.

РАССВЕТ. АНДРЮШКА

Валька проснулся от боли. Во сне он прижал щекой палец и стянул с него бинт.

Боль была не такая, как вчера. Она теперь не жгла, а словно разъедала. Валька осторожно коснулся пальца подбородком. Почувствовал влажный лоскуток лопнувшей кожи и поморщился. Он торопливо нащупал на подушке трубочку бинта и, чуть дыша, протолкнул в неё палец. Боль стала успокаиваться, но ещё давала себя знать мягкими затихающими толчками.

Валька передохнул и повернулся на спину.

Окна были тёмными. Сквозь просветы в ледяных узорах Валька видел звёзды. Каждая звезда висела в середине холодного туманного пятнышка.

«Часов семь,—подумал Валька,— или полвосьмого».

Он сосчитал до трёх, сбросил одеяло и прошлёпал к столу. Нащупал кнопку «грибка». От неожиданного света окна сделались блестящими и непрозрачными, как чёрная клеёнка. Только по краям зеленовато искрились морозные разводы.

За тонкой стенкой зашевелился отец.

— Валька, ты уже? Спал бы...

Валька взглянул на будильник.

— Скоро восемь. Папа, я на колонку...

Это была его обязанность. Вернее, привычка. Он каждое утро приносил два ведра воды. Правда, наливал их не доверху: вёдра были большущие и, кроме того, тащить их приходилось в растопыренных руках, чтобы ледяная вода не плескала в валенки. Когда Валька добирался до крыльца, руки и плечи у него просто стонали. Но он всё равно любил эти «водяные» прогулки.

Вальке нравились неяркие зимние рассветы. Снег и небо в это время были очень синими, а дома казались чёрными, и в них светились квадраты разноцветных тёплых окон.

Стараясь не грохнуть вёдрами, Валька выбрался в сени. Синее утро уже просачивалось в щели. Валька вздохнул и закашлялся: резкий холодный воздух оцарапал лёгкие. В сенях вкусно пахло зимой: снегом, смазанными лыжами и мёрзлым выстиранным бельём, которое было развешано под потолком.

Валька отбросил крючок и толкнул дверь.

Он увидел сиреневый снег, чёрные ветви над забором, а левее — тёмные громады новых домов. В сумерках казалось, что дома стоят не за дорогой, а прямо перед Валькой. Они сливались с забором. Окна горели редко: было воскресное утро и во многих квартирах ещё спали.

А Вальке спать совсем не хотелось!

Он поставил вёдра на крыльцо и двумя пинками сбросил их в снег.

Тра-тара-ра! Бах!

Нынче солнце встаёт очень рано,
Нынче день будет длинный и ясный.
Ты послушай — гремят барабаны,
А они не проснутся напрасно!

Солнце в декабре встаёт совсем не рано. Просто Валька чувствовал: будет хороший денёк.

Над крышами больших домов небо начинало светлеть, и антенны телевизоров прорисовывались в нём чёрными штрихами. Они были похожи на модели планёров, ещё не обтянутые бумагой.

— Только попробуйте улететь! — сказал им Валька. Подхватил вёдра и вышел за калитку.

Колонка находилась в конце квартала. Она торчала у синей снежной дороги и была похожа на озябшего карлика с фантастически длинным носом и в матросском берете с помпоном. Обычно карлик скучал в одиночестве: почти во всех соседних домах был водопровод.

Но сегодня рядом с колонкой Валька увидел закутанного человечка. Малыш повесил на кран ведро и копошился у рычага.

— Андрюшка,— сказал Валька.

Валенки малыша скользнули по выпуклой наледи, которая окружала колонку. Он выпустил рычаг, покачнулся и встал прямо.

— Не работает, — объяснил он. — Видишь, Валька, я нажимаю, а вода не бежит.

Валька лёг животом на рычаг. Лязгнуло железо, и на этом дело кончилось.

— Вот видишь,— озабоченно повторил Андрюшка.

— Подожди,— сказал Валька.

Колонка начала мелко вздрагивать. Отозвалась булькающим кашлем. Потом в ней захрипело, заклокотало, и вдруг упругая струя грянула по ведёрному дну.

Полведра набралось в три секунды. Валька выпрямился, и рычаг скакнул вверх. Колонка обиженно фыркнула, погудела и успокоилась. Валька сказал:

— Не работает,— сказал Андрюшка.— Видишь, Валька, я нажимаю, а вода не бежит.

— Такой у неё характер...

Андрюшка взглянул на колонку с уважением и потянулся к ведру.

— Подожди, сниму,— сказал Валька.— Утащишь столько?

Андрюшка приподнял ведёрко.

— Я больше могу.

— Хватит,— решил Валька.— Тебе же на третий этаж тащить.— И спохватился:— Андрей! А ведь у вас же водопровод!

— Да... водопровод,— как-то нерешительно сказал Андрюшка.— Он только булькает, а из крана пузыри идут. А умываться ведь надо. И чай кипятить. Много надо.

— А кроме тебя, никого нет, чтобы воды принести?

— Есть... А я ведь тоже есть.

— Ну ещё бы. Ты, конечно, есть... Да оставь ты пока ведро!

Андрюшка послушно опустил ведёрко и выжидательно глянул на Вальку. В меховой шубёнке и большой лохматой шапке он казался полным и неуклюжим. Но Валька-то знал, что в тёплую одежду закутан узкоплечий, худенький первоклассник.

Валька стал наполнять свои вёдра. Он наливал воду почти доверху. Что же было делать? Не тащить же при Андрюшке по полведра...

— Пойдём,— сказал он.

— Куда?

— Ну, не кудахтай. Сам же говорил: умываться надо, чай кипятить. Вот и будете кипятить.

— Ну, Валька...— без всякой радости проговорил Андрюшка.— Не надо. Я сам.

— Ты сам, а я тоже сам. Хуже тебе, что ли?

Андрюшка две секунды размышлял. И вдруг обрадовался:

— Правда, пойдём! Ты и я.— Он словно о чём-то вспомнил или что-то задумал. Но было ещё не очень светло, и Валька не разглядел его лица.

От колонки до Андрюшкиного дома столько же, сколько до Валькиного. Но вёдра-то были почти полные. Руки просто чуть не оторвались. Левое ведро зацепилось кромкой за штанину, и вода ледяным языком скользнула за голенище валенка. Валька зашипел от досады и холода.

— Что?— спросил Андрюшка, не оглядываясь. Он усердно тащил своё ведро впереди.

— Ногу промочил,— буркнул Валька.

— Я тоже,— утешил Андрюшка.

Пока Валька по одному втаскивал вёдра на третий этаж, Андрюшка терпеливо ждал у двери. Дождался и толкнул дверь плечом.

— Мама, я пришёл! И ещё Валька пришёл!

Вальке стало неловко: будто в гости напросился.

Раньше он приходил сюда только два раза, и тогда никого, кроме Андрюшки, в квартире не было. А его родителей Валька видел лишь издалека, на улице.

Он поставил вёдра в маленьком, ярко освещённом коридоре и подумал, что хорошо бы теперь сбежать. Но без вёдер не сбежишь.

— Валька пришёл! — вновь жизнерадостно сообщил Андрюшка.

— Не труби ты,— прошептал Валька.

Из комнаты шагнул Андрюшкин отец. У него были лохматые брови, большой лоб с залысинами и широкий, какой-то удивительно добрый подбородок. Человек этот сказал смеющимся голосом:

— Хороший день начинается с хороших гостей. Здравствуй, Валентин.— Он протянул большую ладонь.

Валька зубами сдёрнул заледеневшую варежку и неловко подал руку.

— А это что?— Андрюшкин отец увидел вёдра.

— Вода,— тихо сказал Валька. И подумал, что всё получилось глупо. Обошлись бы и без его помощи.

— Ага...— протянул отец.— Ну конечно...— И спохватился:— Пошли в комнату! Светлана, смотри...

— У меня валенки мокрые,— попробовал сопротивляться Валька.— Я лучше...

Договаривать не стоило, потому что он уже стоял в комнате. И внимательными Андрюшкиными глазами на него смотрела совсем молодая Андрюшкина мама.

— Наконец-то! — сказала она.— А то мы каждый день слышим разговоры о таинственном Вальке и никак не можем на него посмотреть.

— Какие разговоры?— слегка обалдело начал Валька и умолк. Сообразил, что следовало бы для начала сказать «здравствуйте». Но теперь здороваться было уже смешно.

Его выручил Андрюшкин отец.

— Разговоры всё одни,— весело объяснил он.— «Валька сказал», «Валька обещал», «надо у Вальки спросить»... Приворожил ты нашего доброго молодца, как Марья-царевна. Кстати, чего он там возится?

Валька выглянул в коридор. «Добрый молодец» сидел на полу и тянул с ноги промокший чулок. Чулок тянулся медленно и потому казался бесконечным.

— Тебя отец зовёт,— мрачно сказал Валька.

Андрюшка пружинисто поднялся. Снятый наполовину чулок потянулся за ним к двери и оставил на полу длинную сырую полосу.

— Ты что же это?— упрекнул отец.— Пригласил человека и бросил.

Андрюшка устроился на стуле.

— Валька, ты садись,— попросил он.— Ну, Валька... Ты разденься и садись. Я сейчас.

Он снова потянул чулок, но теперь почти не спуская с Вальки глаз. Только изредка и быстро поглядывал на отца и мать. Словно спрашивал: «Ну, как вам нравится мой Валька?» Потом деловито сказал:

— Мы с ребятами будем крепость строить. Валька, ты нарисуешь? Надо план.

— Да ладно... дома,— ответил Валька и глянул украдкой под ноги: слишком ли заметные следы оставляют валенки?

— Рисуешь ты очень неплохо,— серьёзно заметила Андрюшкина мама.

Валька насторожился.

— Андрей наш вообще заявляет, что ты настоящий художник,— объяснил отец.— Видишь, и рисунок твой вывесил на самом видном месте. Хороший портрет.

Валька взглянул на стену и охнул про себя.

На розовой штукатурке, над маленькой Андрюшкиной кроватью, висел альбомный листок. Он был закрыт стеклом и окантован полосками синей бумаги. Будто эскиз или гравюра настоящего художника. На листке был Андрюшка.

А живой Андрюшка сидел на стуле и с удовольствием поглядывал то на Вальку, то на свой портрет.

«Обор-р-рмот,— подумал Валька.— Устроил тут выставку!»

Если бы он знал про такое дело, ни за что бы не отдал рисунок.

Валька снова бросил взгляд на листок. Да, а

нарисовано было, пожалуй, неплохо. Валька теперь это видел. Ведь он смотрел на свою работу свежими глазами, словно посторонний человек. Потому что рисовал Андрюшку он очень давно — четыре месяца назад. В августе.

АВГУСТ. ПЕСЧАНЫЙ ГОРОД

Август начинался плохо. Валька приехал из лагеря и затосковал.

Лагерь был большой, в нём отдыхали ребята из разных городов области. Теперь они разъехались кто куда. Несколько человек из отряда жили где-то на другом конце, на незнакомых Вальке улицах.

Чтобы не бередить душу, Валька срезал с рукава синий треугольник с вышитыми барабанными палочками.

Он решил навестить своих одноклассников, ребят из бывшего четвёртого «А». Зашёл к одному — тот с родителями на юге. Постучался к другому — тот на даче. Третий читал какую-то книжку про полёт на Венеру. Поднял на Вальку непонимающие глаза, поморгал и сказал с вежливым зевком:

— А, Бегунов! Привет. Ты теперь не в нашей школе будешь?

— В новой,— чуть виновато объяснил Валька.— Она ближе. Я не хотел, а родители перевели.

— Всё равно,— лениво сказал бывший одноклассник и опять зевнул.— От нашего класса ничего уже не осталось. Половина — по новым школам, половина — по другим классам...

— Ну, пока,— вздохнул Валька.

— Ага... Пока.

Одиночество — как болезнь.

Конечно, Валька не сидел целыми днями с постным лицом и не вздыхал, как паровоз. В кино ходил, книжки читал, на соседний пруд бегал, потому что август стоял на редкость жаркий.

Валька выходил во двор, прыгал через забор и шёл бродить среди новых домов. Эти пятиэтажные корпуса с трёх сторон обступили старый деревянный квартал. Когда Валька уезжал в лагерь, почти все они были пустые. А сейчас в них жили.

Во дворах и на соседнем пустыре ещё не были убраны кучи битого кирпича, обрезки труб и расколотые бетонные блоки. Незнакомые ребятишки целыми днями что-то строили из обломков.

Самым старшим из этих строителей было лет по шесть или семь. Других ребят, повзрослее, Валька ни разу не встретил, а лезть в малышовые игры было неудобно.

Валька уходил на заросший бугор за пустырём, ложился в траву и смотрел на дома. Они были ярко-розовые, зелёные, светло-коричневые — расчерченные белыми клетками и разноцветными полосами. Пёстрые, прямо сказочный город.

Шумела трава, а вдалеке ровно и неутомимо, как барабанщики, били пневматические молотки.

Валька привык быть здесь один. Два раза он даже приносил сюда альбом. И он очень удивился, когда его потревожили. Нарочно потревожили. Он лежал в траве, когда услышал шелестящие шаги и увидел перед собой маленькие пыльные сандалеты. Валька поднял голову.

Над ним стоял Андрюшка.

Валька уже тогда его знал. Не очень хорошо, а так, по имени. Потому что Андрюшка жил в доме, который заселили ещё весной. Но никогда никаких дел с Андрюшкой Валька не имел, даже не разговаривал. Какие у них могут быть дела и разговоры!

— Валька, — сказал Андрюшка, — помоги нам утащить доску.

У него были светло-коричневые, какие-то золотистые глаза. Смотрел он прямо и доверчиво, будто всё так и нужно. Будто Валька сию секунду вскочит и неизвестно зачем куда-то что-то потащит.

— Какую доску?— нелюбезно спросил он.

— Обыкновенную тяжёлую доску,— терпеливо объяснил Андрюшка и развёл маленькие ладони.— Вот такую широкую. Мы её под кирпичами раскопали, но она сырая и тяжёлая.

— Вы раскопали, а я должен тащить её, сырую и тяжёлую,— уточнил Валька.— Так?

— Ты с одного конца, а мы с другого,— сказал Андрюшка. Видно, не понял он Валькиного ехидства и смотрел всё так же — открыто и доверительно. Только нетерпеливо шевельнулись плечи.— Ну, Валька, встань... Ну пожалуйста.

Ровно и напряжённо стучали пневматические молотки. На руках у Андрюшки были длинные белые царапины.

Валька встал.

— Зачем вам доска?

— Для парохода.

Пароход был устроен просто: низенькие борта из фанерных обломков, помятый обрезок водосточной трубы посередине, длинная палка с перекладиной — мачта. Не хватало только палубы и руля.

Доску положили внутри бортов на кирпичные подставки. Она прогибалась и покачивалась, будто настоящая палуба расшатанного парусника. Велосипедное колесо для штурвала принёс Павлик — удивительно тихий семилетний мальчик.

— А вечером будут сигнальные огни,— тихонько сообщил Андрюшка. Он словно делился с Валькой секретом в благодарность за помощь.— У нас батарейка есть и две лампочки.

— Сигнальные огни бывают цветные,— заметил Валька.— С одной стороны зелёный, с другой — красный.

— Цветных нет,— со вздохом сказал Павлик.

— Где их возьмёшь, цветные-то...— мрачно произнесла коротко остриженная девчонка Ирка.

— Может быть, выкрасить лампочки? — задумчиво спросил Андрюшка и с ожиданием стал смотреть на Вальку.

Если бы они строили какую-нибудь ерунду и если бы Валька был чем-нибудь занят... Но они строили корабль. А Валька всё равно томился от безделья и одиночества. Он сказал:

— Пойдём.

Он привёл Андрюшку домой и выволок из-под кровати картонную коробку. Стёкла в коробке тревожно и тонко задребезжали.

— Ох...— шёпотом сказал Адрюшка. Солнце вместе с ним заглянуло в коробку, и разноцветные пятна разлетелись по потолку, словно большие бабочки.

Стёкла были разные: маленькие, как прозрачные леденцы, и большие, с Валькину ладонь.

— Это твои? — изумлённо спросил Андрюшка.— Тебе их кто дал?

— Сам собрал,— небрежно сказал Валька.— Когда ещё маленький был.

Он врал. Он собирал их в прошлом году. Из этих стёкол он хотел сложить картину, вроде тех, которые давным-давно делал Ломоносов. Валька прочитал о стеклянной ломоносовской мозаике в какой-то книжке, и его фантазия разыгралась. Но

стеклянные осколки не держались в пластилиновом переплёте, и Валькина затея рассыпалась.

А стёкла Валька пожалел, не выбросил...

Андрюшка стоял перед коробкой на коленях. У него было очень серьёзное лицо. Словно он увидел не цветные стёклышки, а разбитую и ссыпанную в коробку радугу.

Валька выбрал ему две стеклянные пластинки — рубиновую и ярко-зелёную.

— Вот вам для сигналов. Хватит?

— Хватит...

Валька ногой задвинул коробку под кровать.

— Пойдём.

Андрюшка послушно поднялся. У дверей он оглянулся, но разноцветные бабочки уже улетели с потолка...

Три вечера подряд в большом дворе светились сигнальные огни парохода и кипела шумная морская жизнь. Валька иногда садился в сторонке на расколотую бетонную балку и слушал, как Андрюшка отдаёт команды. Команды были смешные, а голос вовсе не капитанский, но экипаж судна подчинялся.

Валька не понимал, почему капитаном выбрали Андрюшку. Почему именно его, а не задиристого Тольку Сажина, или не громкоголосого Юрку, или, в конце концов, не Ирку-скандалистку. Андрюшка редко бегал, не суетился и никогда не кричал. И если даже случалось что-то очень важное, он не подпрыгивал и не орал, а рассказывал неторопливо и негромко. Не всем сразу, а кому-то одному.

Почему же его сделали капитаном? Из-за костюма, что ли?

Андрюшка носил тогда матросский белый костюмчик с голубым воротником и алым якорем

на кармашке. А под матроску он, несмотря на жару, натягивал ещё настоящую тельняшку. Тельняшка была не очень широкая, но длинная. Внизу она выползала из коротких штанов большими полосатыми языками. Андрюшке приходилось каждую минуту заталкивать их обратно, и он тратил на них уйму времени. Но и в этом случае не терял спокойствия.

Когда пароход шёл к дальним берегам, Андрюшка стоял на палубе, чуть расставив ноги и обняв себя за плечи. Он покачивался на упругой доске и негромко ронял краткие распоряжения.

Валька таким и нарисовал его. Только уже не на палубе.

Он изобразил Андрюшку над его владениями. Владения лежали у маленьких стоптанных сандалет и назывались Песчаным городом.

Правильнее было бы сказать: Песочный город, но это звучало бы плохо. Будто песочный торт или песочное печенье.

И назвали его Песчаным.

Город появился после того, как был израсходован запас батареек для сигнальных фонарей и пропала корабельная мачта. Кто-то унёс её, чтобы сделать антенну для телевизора.

Утром к Вальке пришёл Андрюшка. Нерешительно встал у открытой двери.

— Ты чего? — спросил Валька.

Андрюшка помолчал и негромко сказал от порога:

— Здравствуй, Валька... Знаешь что, Валька? Те твои стёкла тебе зачем?

Валька посмотрел на него с интересом:

— А тебе?

Андрюшка теребил выползший язык тельняшки.

— Там песок привезли... Ночью дождик был, песок теперь мокрый. Можно город построить,— задумчиво сказал он.— С разноцветными стёклами был бы хороший город.

Стёкла Вальке были ни к чему. Просто он привык, что они есть. Такие прозрачные, яркие, как разноцветные огоньки. Стало немного жаль.

— Мы поиграем и отдадим,— вдруг пообещал Андрюшка.— Мы не потеряем.

— «Отдадим»...— проворчал Валька.— Не смеши... Тащи их из-под кровати.

От радости Андрюшка потерял выдержку. Подскочил к Валькиной кровати и поспешно брякнулся на пол — коленки и локти словно деревяшки стукнули о половицы. Он вытянул коробку, и разноцветные бабочки взлетели к потолку.

— Можно всё взять? — шёпотом спросил Андрюшка. Золотистые глаза его сияли.

— Можно.

У калитки Андрюшку ждала вся компания: Павлик, Юрка, Толька Сажин, Ирка-скандалистка и два пятилетних малыша.

Андрюшка сошёл с крыльца и оглянулся на Вальку: «Пойдёшь?»

Валька немного подумал и пошёл.

Конечно, он шагал в стороне от шумной ватаги, и никто не мог сказать, что ему, Вальке Бегунову, захотелось повозиться в песке с дошколятами и первоклассниками.

Взрослых не было видно в Андрюшкином дворе. Валька оглянулся и вместе со всеми подошёл к песочной груде. Она была насыпана у стены, в тени, и песок ещё не высох после ночного дождя.

— Это наша Жёлтая гора,— доверительно прошептал Вальке маленький тихий Павлик.— На ней будет город.

— Надо сперва начертить улицы,— сказал Толька Сажин и сосредоточенно сдвинул брови, похожие на чёрные кляксы.

— Надо сперва хоть один дом построить,— заметила Ирка.

— Какой? — сухо спросил Сажин.

— Хоть какой,— глядя в небо, сказала Ирка.

— Ин-те-ресно...— произнёс Толька и поднял левую бровь-кляксу.— Кто это будет строить дом, если никто не знает, где будет улица?

— Интересно, кто это видел улицы без домов? — въедливо произнесла Ирка и сжала губы.

— Увидишь,— пообещал Сажин и прищурился.

— Да ну? — сказала Ирка.

— Ну вы! — встревоженно начал Андрюшка.— Хва...— и не кончил.

Они сшиблись, как всадники на полном скаку, и, сцепившись, рухнули на песок.

Они коротко и зло сопели.

Они вздымали локтями песочные фонтаны и взбрыкивали худыми ногами.

— Вот бешеные,— горестно прошептал Павлик и отступил на два шага.

Стриженый толстощёкий Юрка страшно округлил глаза и заорал:

— Прекратить!!

Всё это случилось в несколько секунд. Валька даже не успел ухватить и раскидать рассвирепевших архитекторов. Они сами отлетели друг от друга, как резиновые куклы.

Они сидели в двух метрах друг от друга и дышали часто-часто. Ирка прижимала языком разбитую нижнюю губу. Толик осторожно трогал царапину, которая тянулась от уха до подбородка.

— Заработала?— деловито спросил Толька.— Ещё хочешь?

— А ты? — коротко осведомилась Ирка.— Бамбес.— Она хотела сказать «балбес», но мешала губа.

— Кончили? —тихо спросил Андрюшка. Они взглянули на него и разом вздохнули.

Андрюшка отвернулся и объяснил Вальке:

— Каждый день так. Иногда два раза в день.

— Разве так строят города? — с досадой сказал Валька.— Надо же план.

Он разорвал коробку из-под стёкол и карандашным огрызком на куске картона изобразил старинный многобашенный город. Бросил картонку Андрюшке и отошёл подальше.

Он опять устроился на треснувшем бетонном блоке, уже тёплом от солнца.

А на Жёлтой горе шла работа.

Вырастали круглые башни. Ощетинивались зубцами стены. Поднимались купола главного дворца.

Ирка-скандалистка и Толька Сажин выводили арку больших крепостных ворот. Они трудились рядышком, щека к щеке. Толькина царапина припухла и порозовела, а Иркина губа вздулась и повисла, как оторванная подошва. К ней прилипли песчинки. А ворота с башнями по сторонам получились неплохие.

Андрюшка сидел на корточках в самой середине города. Он мостил цветными осколками центральную площадь. Он не просто так покрывал её кусочками стекла, а кажется, хотел выложить какой-то узор. Но узор, видимо, не получался. Андрюшка хмурился и покусывал губу.

Валька мог бы подойти и помочь, но чувствовал, что Андрюшка не обрадуется. Валька знал, как это плохо, если за спиной появляется непрошеный советчик или зритель.

Андрюшка встал, шагнул, как Гулливер, через городскую стену и в раздумье стал смотреть на город.

Он стоял, обняв себя за плечи и наклонив голову. Матросский воротник на правом плече вздыбился до уха. Лицо у Андрюшки было очень сосредоточенное и немного обиженное: «Не получается почему-то...»

Валька взглянул и почти машинально попробовал пальцем остриё карандаша: «Хорош? Годится?»

На куске картона он осторожно вывел контур маленького острого подбородка. Потом легко прочертил две скобки — получилась нижняя губа приоткрытого Андрюшкиного рта. Верхнюю губу Валька наметил одной тонкой чёрточкой. Он знал: лишние штрихи никогда не усиливают сходства. Главное — точность.

Андрюшка стоял не шевелясь. Будто догадывался, что это очень нужно Вальке. А Валька уже несколькими линиями набросал отросшую Андрюшкину чёлку и провёл короткие чёрточки бровей. Нос у Андрюшки совсем простой: Валька поставил над верхней губой маленькую скобку — и всё.

Самое трудное — это, конечно, глаза. Особенно когда их почти не видно в тени ресниц. Валька, чуть дыша, вывел тонкие полумесяцы опущенных век. Аккуратно прочертил уголки глаз. Несколькими точками отметил ресницы. А потом волосяными штрихами прорисовал окружённые светлыми ободками зрачки — так осторожно, словно он был хирург и проводил остриём по живому глазу. Он не мог ошибаться. Ведь у него не было резинки.

И, может быть, хорошо, что её не было. Осторожность помогла Вальке. Он отложил карандаш,

взглянул на Андрюшку, потом на рисунок и увидел: похож. Как ни смотри, а похож.

Сходство редко удавалось Вальке, и теперь он очень обрадовался.

Нужно было обязательно закончить рисунок. Карандашик заплясал на картоне. Валька рисовал Андрюшку в полный рост. Тонкая шея, сбитый воротник матроски, мятые штаны, клок тельняшки, маленькие ладони на узких плечах, сандалета с отскочившим ремешком на правой ноге. Левая нога почти до колена был закрыта крепостной башней.

На остроконечной башне рубиновым светом горел маленький стеклянный осколок...

Взрослые всё чаще проходили недалеко от песочной кучи. С любопытством поглядывали на растущий город, а заодно и на Вальку. Валька встал, сунул картон под рубашку и зашагал домой. Андрюшка посмотрел вслед, но окликнуть, видимо, не решился.

Дома Валька взял резинку и убрал из рисунка всё лишнее. Торопливые короткие штрихи заменил точными лёгкими линиями, и портрет сделался гораздо лучше. Выразительнее.

Валька осторожно перенёс его на папиросную бумагу, а с неё — на альбомный лист. Потом достал чёрную тушь и обвёл карандашные линии тонким пером. Особенно долго он колдовал над лицом Андрюшки, боясь изменить даже самую крошечную чёрточку.

Кажется, вышло как надо.

Маленький тонкий Андрюшка в задумчивости стоял над Песчаным городом. Впрочем, город получился не очень хорошо. Контур крепостных зубцов и башен был слишком ломаным и небрежным. «Если прорисовать ворота и бойницы, будет

— Разве так строят города? — с досадой сказал Валька. — Надо же план.

лучше»,— подумал Валька. Но сделать ничего не успел. Взглянул на часы и охнул: было время обеда, а он ещё не сбегал за хлебом...

Уже после двух часов, когда мама и отец снова ушли на работу, Валька взял альбом. Но распахнулись двери, и без стука шагнул в комнату Андрюшка.

— Валька... Кто-то разломал наш город.

Он сказал это тихо, почти виновато. Но глаза у него были совсем не робкие. Потемневшие. Какие-то требовательные глаза...

Город лежал в развалинах. И площадь, недавно блестевшая стеклянными узорами, была перепахана и полузасыпана песком. А по песку, по склонам Жёлтой горы, как следы чудовищного змея-хищника, вились узорчатые отпечатки велосипедных шин.

Все ребята были уже здесь. Горластый Юрка теперь стоял, крепко сжав губы, и колотил себя по колену смятой тюбетейкой. Два пятилетних малыша — Витька и Борис — одинаково приоткрыли рты и смотрели на развалины опасливо и удивлённо.

Андрюшка опустился на корточки и начал молча выбирать из песка цветные осколки. Потом спросил:

— Валька, теперь тебе их обратно отдать?

— Ну что ты!— торопливо сказал Валька.— Зачем они...

Маленький Павлик неслышно подошёл к Вальке и объяснил:

— Нас позвали обедать, и мы все пошли. А кто-то приехал и всё сломал... Почему?

Валька не знал почему. Он отвёл глаза и посмотрел на Ирку. Ирка-скандалистка молча плакала. Так плачут упрямые мальчишки, когда

какая-нибудь беда всё-таки доведёт их до слёз. Иркины слёзы падали на утрамбованный подошвами песок и оставляли следы, похожие на крошечные лунные кратеры. Валька машинально подумал, что когда-то уже видел такие следы капельных ударов.

Он услышал мягкий шорох тормоза, оглянулся и увидел велосипедиста.

Вернее, сначала увидел лишь колёса. У Вальки хорошие глаза. Он издалека разглядел узор на передней шине. «Он»,— подумал Валька.

Тогда он посмотрел на хозяина велосипеда.

Это была знакомая личность. Витька Волощук, с непонятным и ласковым прозвищем «Козлик». В прошлом году он учился в той же школе, что и Валька, только не в четвёртом классе, а в пятом.

— Это он,— чуть слышно сказал за спиной Павлик.

Витька, улыбаясь, смотрел на Вальку.

— Привет, Бегунец! Ты разве тут живёшь?

— Это он,— злым шёпотом сказала Ирка.

Валька быстро оглянулся. Строители Песчаного города стояли позади почти ровной шеренгой. Они смотрели на Вальку с напряжённым ожиданием. Валька знал, чего они ждут.

Руки у него противно ослабли: Валька не умел драться. Не встречал он ещё в жизни таких врагов, с которыми надо сходиться один на один и драться всерьёз. Были, конечно, короткие стычки, были общие свалки, в которых больше шума, чем дела, но там не требовалось ни уменья, ни особой смелости.

— А я, понимаешь, уже две недели здесь живу, а знакомых не вижу. Тоска — как на кладбище! — весело продолжал Козлик. Он смеялся. Он был рад, что встретил Вальку. Хоть не очень хороший

знакомый, но всё-таки из одной школы. Козлик прыгнул с седла и положил велосипед.

Валька криво улыбнулся и стал подходить к Витьке. Позади он услышал шаги: кто-то двинулся следом. Андрюшка?

— Привет...— сказал Валька Козлику. Шаги оборвались — Андрюшка отстал.

— Что, новая машина? — Валька кивнул на велосипед.

— Отец вчера купил,— охотно объяснил Козлик.— Еле-еле я его сагитировал.

У него было круглое белобровое лицо и коротенькие светлые волосы. Они торчали косичками, как частые рожки. Может, поэтому он — Козлик?

Переднее колесо велосипеда медленно вертелось, и по спицам прыгали солнечные искры.

За спиной у Вальки было молчанье.

— Ну как ездит? — проговорил Валька.

— Люкс! Как по воздуху!

— А по песку? — хрипловато спросил Валька.— Тоже как по воздуху?

— Тянет и по песку. Один раз только забуксовало, там, на ихней куче. Прямо на ихних домиках. Ладно, хоть шины на стёклах не пропорол.

— Ты,— медленно сказал Валька,— гад...

Козлик очень удивился. Он даже не рассердился сначала. Он подумал, что Валька шутит. А когда увидел, что шутки никакой нет, попросил:

— Повтори!

И выпрямился. И стал выше Вальки на полголовы. У него были голубые колючие глазки и длинные мясистые руки. И повторять было незачем.

Валька размахнулся и неумело, из-за плеча, ударил кулаком по Витькиному носу.

— Ух ты...— изумлённо сказал Козлик. Он уже

развернулся для ответного удара, но вдруг заморгал, поднёс к лицу ладонь и зажмурился. Из носа густыми струйками текла очень тёмная кровь.

Козлик басовито заревел. Это было неожиданно и непонятно. Валька даже испугался.

— В чём дело? — спросил кто-то негромко и резко. Рядом с Витькой встал невысокий сухощавый капитан милиции.

«Ну всё»,— уныло подумал Валька.

— В чём дело? — повторил милиционер.

И вдруг взорвались тонкие ребячьи голоса. Словно гомон потревоженных воробьёв. И можно было в этом шуме разобрать, что во всём виноват бандит и разрушитель Витька Козлик, а Валька ни в чём ни капельки не виноват. А можно было и ничего не разобрать. Но капитан понял. Он посмотрел на Витьку, поморщился и, сдерживаясь, приказал:

— Марш домой! Сию же ми-ну-ту... Там поговорим.— Он повернулся и зашагал прочь. Цок-цок-цок,— щёлкали по асфальту каблуки.

Витька Козлик, не глядя на Вальку, потащил к подъезду велосипед.

— Это отец его. Он ему покажет,— задумчиво, но без сочувствия сказал Павлик.

— Так ему и надо,— беспощадно заключила Ирка.

У Вальки противно вздрагивали локти. Однако дело закончилось как надо. Можно было уходить...

Он вернулся домой и с удивлением продолжал вспоминать о своей случайной доблести. А минут через десять снова пришёл Андрюшка.

— Та картинка, где город...— начал он.— Ты унёс. Разве она тебе нужна?

— Нет. А тебе?

— Может быть, мы снова построим.

— Возьми. Там, на столе.

Андрюшка шагнул к столу и странно затих там.

— Это я?— Он смотрел на раскрытый альбом, который Валька забыл убрать.

— Мало ли кто...— проворчал Валька.

Андрюшка навалился на стол грудью.

— Правда, я...— сказал он шёпотом.— Ну и ну...

Он долго смотрел на рисунок. Потом выпрямился и выцарапал из тесного кармана штанишек складной ножик-малютку.

— Давай меняться, Валька. Давай, а? Он хороший, только кончик обломанный. Но его подточить можно. Я сам могу подточить.

Он держал на ладошке своё сокровище с коричневой ручкой из пластмассы и смотрел на Вальку почти умоляюще.

Что-то случилось с Валькой: он засмеялся и осторожно вырвал из альбома листок. Взял ножик и опустил в карман Андрюшкиной матроски. Протянул рисунок.

— Возьми ты его, если надо... Меняльщик. Догадался тоже... Я же ещё могу сделать.

Конечно, он снова мог перевести Андрюшкин портрет в альбом с картона и папиросной бумаги. Но теперь, когда рядом был живой Андрюшка, рисунок не казался Вальке удачным. Так себе...

Андрюшка свернул листок в аккуратную трубку.

— Я, Валька, пошёл.

— Подожди, я с тобой. А то Козлик повстречается да навешает тебе блинов.

— Тю! Навешает... Я скажу, что ты ему тогда ещё не так навешаешь.

«Гм»,— самокритично подумал Валька.

— Его теперь никто бояться не будет,— добавил Андрюшка.— И вообще...

Что такое «вообще», Валька понял через два дня. Он случайно услышал, как совершенно незнакомая маленькая девочка кричала какому-то большому парню:

— Только приди ещё, ходуля! Валька Бегунов тебе ка-ак д-даст!

«Поздравляю вас, товарищ Бегунов»,— ехидно подумал Валька. И вдруг он встревожился: а что, если Андрюшка начнёт всем рассказывать не только о Вальке-защитнике, но и о Вальке-художнике? И рисунком начнёт хвастаться? Этого ещё не хватало!

Но ничего такого не случилось. Валька решил, что Андрюшка потерял или забросил рисунок.

А оказывается, что он не потерял и не забросил. Вывесил Валькино произведение на стенку и радуется.

Валька натянул шапку.

— Надо мне идти. До свиданья.

— Постой, постой.— Андрюшкин отец взял его за локоть.— Ты давай раздевайся. У нас уже чай готов.

— Разве у вас починили водопровод?

— Водопровод? Да его и незачем чинить. Всё в порядке. Временами только давление ослабевает, но это пустяк. На минуту.

— Ну да, на минуту...— угрюмо сказал Андрюшка.

Отец покосился на него и с усмешкой объяснил:

— У этого товарища свои соображения. Ты думаешь, он зачем с ведром на улицу отправился?

Чтобы показать, какой он большой и самостоятельный. Мало того. Случилась вещь вообще небывалая: уже два вечера подряд он моет посуду. А зачем ему это надо? Для авторитета? Ничего подобного. Дело в том, что этот товарищ желает иметь коньки на ботинках. А его бесчувственные родители коньки покупать не спешат, потому что боятся отпускать его одного на каток...

Андрюшка сполз со стула и полез под кровать за тапочками. Из-под кровати он сказал:

— Мы бы с Юркой Померанцевым вместе ходили.

— Ох уж этот Юрка Померанцев!— со вздохом произнесла мама и обратилась к Вальке:— Жаль, что ты не катаешься на коньках.

Она, оказывается, знала и это!

Андрюшка выбрался с тапочками в руках. Валька заметил у него на ресницах маленькие прозрачные капли.

«Скверное дело»,— подумал он.

— Ну ладно,— торопливо заговорил отец.— Как-нибудь решим. До зарплаты о коньках всё равно думать нечего.

— Всё-таки я пойду,— сказал Валька.— Дома, наверно, ждут. У нас-то в самом деле нет водопровода.

Андрюшка поморгал, стряхивая капли, виновато улыбнулся и попросил:

— Ты, Валька, не забудь про крепость.

— Не забуду,— сказал Валька. Он осторожно просовывал в отсыревшую варежку руку с забинтованным пальцем.

— Порезал? — сочувственно спросил Андрюшка.

— Обжёг. Да так, чепуха,— отмахнулся Валька.

УТРО. ПАРУСА

После завтрака мама спросила мимоходом:

— Надеюсь, ты не забыл?

Валька сделал невинные глаза:

— О чём?

— О парикмахерской, радость моя,— сказала она.— Просто поразительная у тебя память.

Валька поскрёб в затылке.

— Я не забыл. Но разве парикмахерские открыты по воскресеньям?

— Не валяй дурака,— последовал ответ.

Мама стояла перед зеркалом и примеряла новый жакет с серебряными пуговицами и нашивками. Она работала бухгалтером в управлении железной дороги, и ей полагалась форма.

— Ты похожа на капитана дальнего плавания! В самом деле.

— Очень приятно,— сказала мама.— А ты похож на дикобраза.

— «Дикобраз» пишется с двумя «о»?— спросил Валька.— Или с одним?

— Валентин...

Валька вздохнул.

— Поразительная вещь! — возмутилась мама.— Человеку одиннадцать с половиной лет, а он боится стрижки, как младенец.

Валька обиделся:

— «Боится»! Времени жалко. На лыжах покататься хотел. Такой денёк...

— Успеешь. Денёк твой впереди.

— Папа, заступись,— попросил Валька.

Отец выглянул из-за газеты.

— Ещё чего! Чтобы и меня погнали в парикмахерскую?— Он осторожно погладил свою аккуратную лысину.

— Вот так всегда,— вздохнул Валька.— Нет, чтобы поддержать, как мужчина мужчину.

— Иди, иди, мужчина,— сказала мама.— А то сама постригу.

И Валька пошёл. На улице он сразу понял, что упирался зря: в такую погоду прогуляться по городу — одно удовольствие. Утро было искристо-розовым. Мороз поскрипывал, как тугое яблоко в крепких ладонях мальчишки.

Настроение у Вальки было солнечное. День начинался совсем не плохо: морозные звёзды в окне, чёрные антенны-планёры на больших домах, Андрюшка и его родители, которые, оказывается, считают Вальку своим человеком...

Валька шагал и насвистывал, хотя при морозе это довольно трудно.

На автобусной остановке галдели и веселились малыши. Человек тридцать. Наверно, первый класс. Тут же была их учительница, совсем молодая, похожая на Валькину сестру Ларису, которая училась на геолога в Ленинграде. Учительница наводила порядок:

— Иванов! И-ва-нов! Зачем ты полез в снег?! Сейчас подойдёт автобус, сию же минуту становитесь в пары!.. Андреев! Коля Андреев! Кому я говорю!.. Никто не смейте выходить на дорогу — там машины!.. Малеева и Ковальчук никуда не поедут, а немедленно пойдут домой, если не перестанут толкаться. Никуда не отходите... А где Новосёлов? Новосёлов Игорь!

Новосёлова Игоря не было. Едва наметившиеся пары опять рассыпались.

— Ребята, кто его последний раз видел? Тише, отвечайте по порядку! Ой, да замолчите же вы!

— Шичас прыдёт,— пробубнила толстая девчонка, до носа закутанная шарфом.— Он шкоро...

— Вон он идёт! Вера Павловна, вот он!

— Ура, Новосёл!

Валька оглянулся, охнул и остановился. Если бы он был девчонкой, то, наверное, завизжал бы от восторга. Новосёлов был просто великолепен! Рыжая ушанка сидела на его голове удивительно лихо — боком. Она сползла ему на левую бровь, а с правой стороны открывала лоб. Одно ухо шапки торчало в сторону, как у весёлого щенка, и пружинисто подпрыгивало. Шарф распустился и лежал на плечах широким зелёным кольцом. Тонкая шея Новосёлова торчала из расстёгнутого мохнатого воротника, словно из грачиного гнезда. На круглом лице его было написано блаженство. Осторожно нёс он перед собой распечатанное эскимо. Через каждые два шага Новосёлов радостно жмурился и розовым языком касался шоколадного бока. Он держал мороженое голыми пальцами, а пришитые к рукавам варежки раскачивались на тесёмках, как маятники.

Вот схватить бы сейчас карандаш, встать бы с альбомом в тень, за выступ дома... Вот был бы рисуночек! Даже название придумалось сразу: «Нарушитель».

«Ну ладно,— подумал Валька.— Я его запомню, а дома сяду за рисунок».

А у Веры Павловны Новосёлов радости не вызвал. Наоборот.

— Это что же такое?! В такой мороз! Кто тебе разрешил? Новосёлов, перестань сейчас же! Где ты был? Я кому говорю!

Но бронебойная очередь запрещений и вопросов не задела Новосёлова. Он приближался всё так же медленно и молча. Остановился.

— Где ты его ухитрился купить? — отчаянным голосом спросила Вера Павловна.

Новосёлов приближался медленно и молча.

Новосёлов махнул в сторону «Гастронома»:

— Тама...— Один глаз его был в тени шапки, а другой, синий и блестящий, преданно смотрел на учительницу.

— Не смей есть мороженое! Ангину хочешь получить?

— Не бросать же теперь уж,— рассудительно заметил Новосёлов и нахально откусил почти полпорции.

В толпе заныли:

— Новосёл, обжора...

— Дай лизнуть...

Новосёлов щедрым жестом, не глядя, протянул эскимо. Оно прошло по рукам, как эстафетная палочка.

— Вера Павловна, вам оштавить?— пробубнила закутанная девчонка.

— Оставьте меня в покое, мучители,— скорбно сказала Вера Павловна.

Валька засмеялся и зашагал вдоль чугунной заиндевевшей решётки газона.

Парикмахерская находилась на улице Павлика Морозова. Последний раз Валька был здесь в середине октября. Моросил серый дождик, а к зеркальной витрине парикмахерской прилипли жёлтые берёзовые листья. На громадном стекле витрины белели надписи: «Мужской и женский зал. Стрижка, перманент, окраска волос, бороды и усов. Маникюр». Кроме того, там был изображён лупоглазый красавец с аккуратным пробором.

Но вот что значит не стричься два месяца! Оказалось, что за это время парикмахерская исчезла.

Не было синей вывески. Пропали белые надписи. Над знакомой дверью блестели незнакомые

слова, составленные из трубчатых стеклянных букв:

МОЛОДЁЖНОЕ КАФЕ „БРИГАНТИНА“

А в витрине Валька увидел натянутый на раму холст, на котором был изображён масляными красками грузный трёхмачтовый парусник. Очевидно, художник считал, что это и есть бригантина.

Валька не успел даже удивиться и подосадовать, что парикмахерской нет на старом месте. Парусник сразу привлёк его. Не красотой привлёк. Наоборот. Это была какая-то баржа, к которой добавили мачты с раздутыми, как пузыри, парусами. Видимо, художник разбирался в парусах, как Валька в кибернетике.

Оставалось пожать плечами и пойти на поиски другой парикмахерской.

А Валька стоял.

Всё-таки картина чем-то привлекала. Было в ней среди разных нелепостей что-то верное и хорошее.

Что?

Не мог Валька понять.

Художник знал какой-то секрет, а Валька не знал.

Он зажмурился, подождал несколько секунд и широко распахнул ресницы. Нет, не помогло. Трёхмачтовый парусник берёг свою маленькую тайну.

Валька отвёл глаза и тихонько плюнул с досады. Его прозрачное отражение в стекле тоже плюнуло и сморщилось. Валька глянул на него сердито. И тут заметил ещё одно отражение — девушку в вязаной шапочке и в пальто с воротником, похожим на меховой калач.

Шапка и пальто были незнакомыми, а лицо — знакомым. Оно смотрело из стекла на Вальку весело и слегка удивлённо.

— Ой, здравствуйте! — сказал он и обернулся.

— Здравствуй,— сказала она.— А я иду и вижу: кто-то знакомый на себя любуется.

Валька немного смутился.

— Я не на себя. Вот на него.— Он кивнул на парусник.

— Нравится?

— М-м...— Валька сморщил нос и помотал головой.

— Почему? А по-моему, ничего.

— Неправильно нарисовано,— сказал Валька.— Смотрите, написано: «Бригантина». Разве бывают трёхмачтовые бригантины?

— Честное слово, не слыхала,— призналась она.

— Они всегда двухмачтовые,— объяснил Валька.— Бригантина — значит шхуна-бриг. На фокмачте прямые паруса, на гроте — гафельный. И топсель. А стекселя! Они так никогда не раздуваются. Они же крепятся на штагах, а штаги...

Валька замолчал, потому что увидел: она смеётся. Смеётся и поднимает руку, словно хочет защититься от него вязаной варежкой.

— Бегунов, пощади! Я же ни капельки не понимаю...

Валька на секунду растерялся. Чтобы как-то закончить разговор, он пробормотал:

— В общем, это, наверно, трёхмачтовый барк,— и рассмеялся. В самом деле, получилось смешно.

Она сказала:

— Верю вам, капитан. Но... тебе в какую сторону?

— Хоть в какую. Мне одинаково.

— Я живу на Пушкинской.

— По пути,— соврал Валька. Почему-то ему

не хотелось прощаться. Но о чём говорить, он тоже не знал и шагал, молча глядя под ноги.

— Кажется, подорвала я свой авторитет, да? Учительница географии — и не знает, какие паруса на бригантине. Стыдно.

— Что вы...— неловко утешил Валька.— Это же необязательно. Паруса — это раньше было...

— Ну, не скажи,— возразила она.

Они свернули на улицу Качалова. Навстречу потянул ветер. Не сильный, но обжигающий лицо. В нём были миллионы игольчатых невидимых льдинок.

— Ой, я подниму воротник,— услышал Валька.— Подержи, пожалуйста, сумку.

Сумка была совсем не зимняя. Из белой клеёнки с крупными чёрными кольцами. С такими летом ходят на пляж. Какой-то увесистый груз распирал клеёнку острыми углами.

— Вот и всё. Давай её...

— Я сам буду нести,— сказал Валька.

— Она ведь тяжёлая.

— Ну и что?.. И не тяжёлая нисколько.

— Есть ещё «лыцари» на Украине,— улыбнулась она.— Впрочем, неудачное сравнение. На Украину здесь не похоже, верно?

— А вы были на Украине?

— Только в Крыму. На раскопках в Херсонесе. Когда училась.

— Я думал, вы там жили,— сказал Валька.

— Почему? Разве я похожа на украинку?

Валька замялся:

— Нет... Не знаю. Только имя.

— А-а... Это дедушка виноват. Интересный был дедушка. Гоголя любил ужасно. Папу в честь Гоголя Николаем назвал, а когда я появилась, стал просить: пусть будет Оксана. Вот и получилась Ок-

сана Николаевна Галина. Деду на радость, ученикам на горе.

— Не на гóре,— сказал Валька.

Дальше целый квартал они шагали молча. У Вальки мёрзли пальцы, и он часто перехватывал сумку из руки в руку.

— Понесём по очереди,— предложила Оксана Николаевна.

— Нет, я сам.

— Всё-таки она тяжёлая. Там две пары коньков с ботинками.

— Разве каток уже открыт?— удивился Валька.— Ведь рано.

— Я не с катка. Я от товарища,— сказала она.— Это мой бывший одноклассник. Знаменит тем, что великолепно точит коньки. Раньше мы к нему даже в очередь записывались. Важничал он ужасно. Объявлял часы приёма.

Валька засмеялся:

— А сейчас?

— Сейчас у него всего два заказчика: я и Серёжа, мой брат.

— Брат?— почему-то удивился Валька.

— Да, братишка,— сказала она.— Мой оруженосец. Мы с ним вместе на каток ходим.

— Наверно, большой уже...— полувопросительно заметил Валька.

— Да нет... То есть конечно. В четвёртом классе. Кстати, в нашей школе учится.

Они опять замолчали. Хруп-хруп, хруп-хруп,— скрипели на снежном тротуаре подошвы.

— Оксана Николаевна,— осторожно заговорил Валька,— а тот вопрос... не решился?

— Какой вопрос, Бегунов?

— Про классного руководителя. Вы у нас не будете?

— Ну что ты! У меня уже давно шестой «А».

— У-у,— сказал Валька.

— Вы разве не знали?

— Ничего мы не знали... А в шестом «А» все жулики. Они, говорят, у нас пять кило цветного лома свистнули,— сказал Валька.— Вы с ними наплачетесь.

— Ну, Бегунов! — воскликнула она и начала смеяться. Смех вырывался из-под воротника клубочками пара.

Валька не улыбнулся.

— А чем у вас в классе плохая жизнь? — спросила Оксана Николаевна уже спокойно.— Вами же сама Анна Борисовна занимается.

— Она занимается,— сказал Валька.

— А что?

— Ничего,— вздохнул Валька.— Занимается...

— Она очень опытный педагог.

— Ага,— сказал Валька.

— Вы, по-моему, просто не хотите её понять.

— Наверно,— сказал Валька и отвернулся.

Они проходили мимо большого магазина. За широкими окнами продавщицы развешивали гирлянды ёлочных шаров. В одной из витрин девушка в синем халатике прилаживала ватную бороду молодому симпатичному манекену: превращала его в деда-мороза. Манекен терпел и натянуто улыбался.

— Бегунов... Да послушай. Я ведь даже не знаю, как тебя зовут. Вернее, не помню. В школе всегда почему-то по фамилиям. Нехорошо.

— Валька, Валентин... ну, или Валя.— Он поморщился.

Оксана Николаевна улыбнулась.

— «Валя» не звучит, да?

— Меня все Валькой зовут. Лучше.

— А в шестом «А» все жулики. Они, говорят, у нас пять кило цветного лома свистнули. Вы с ними наплачетесь,— сказал Валька.

— Ты любишь рисовать, да?

Валька быстро сказал:

— Откуда вы знаете?

— Ну... ты так рассматривал картину... Говорил о ней...

Валька пожал плечами.

— Я просто хотела узнать, как ты относишься к урокам рисования. У вас ведь новый учитель.

— Чер...— Валька чуть не сказал «Чертёжник». Так все звали нового учителя, потому что в старших классах он вёл черчение.— Юрий Ефимович. Он недавно.

— Ведь он должен быть вашим классным руководителем.

— Хорошо! — оживился Валька.

— Постой. Разве Анна Борисовна вам не говорила?

— Не говорила.

— Странно... Может быть, он не согласился...

Валька насторожился:

— Почему?

— Видишь ли, честно говоря, он педагог молодой. Он хороший художник, но в школе недавно. А вами даже Анна Борисовна недовольна.

«Далась ей Анна Борисовна!» — подумал Валька.

— Чем она недовольна?— буркнул он.

— Ну, вам лучше знать... В общем, я, кажется, зря тебе сказала.

— Думаете, я болтать буду?— обиделся Валька.— Никому я ничего не скажу.

— Хоть огнём жги? — улыбнулась она.

Боль резко толкнулась в пальце.

— Кто меня будет жечь огнём? — хмуро сказал Валька.

— Да пока наоборот. У тебя от мороза нос побелел. Самый кончик.

Валька отогревал правую руку в кармане. Он не стал её вытаскивать, а поднял левую — вместе с сумкой — и начал оттирать нос кулаком. Сумка тяжело раскачивалась и толкала Вальку в грудь. Он рассердился и стал тереть сильнее.

Оксана Николаевна твёрдо сказала:

— Сейчас пойдём к нам. Будем пить чай и греться. С Сергеем познакомлю.

«И зайду!» — весело решил Валька. Он вдруг подумал, что никогда не видел, как живут учителя.

Оксана Николаевна жила в зелёном крупнопанельном доме на углу Пушкинской.

Они поднялись на третий этаж.

— Подожди, я возьму ключ.

Она позвонила в соседнюю квартиру. Маленькая, словно игрушечная старушка моментально открыла дверь и покачала головой.

— Нет? — спросила Оксана Николаевна.

— Нет, Ксаночка. Не был. Заходи.

— Спасибо. Я попозже.— Она отвернулась к Вальке и огорчённо объяснила: — Безобразие. Серёжка не оставил ключ. Старая история.

— Может, он во дворе? — сказал Валька.— Там ребята в хоккей играют.

— Не играет он в хоккей. Такой тихоня... И растяпа, как видишь. Наверняка пошёл к приятелю с марками возиться. Теперь не дождёшься.

Старушка вздохнула и бесшумно закрыла дверь.

— А второго ключа нет? — спросил Валька.

— Второй ключ мама случайно увезла. Она уехала к бабушке в Кунцево... Ну, пусть он придёт! Я ему устрою!

Валька всегда чувствовал себя скверно, если при нём ругали кого-нибудь. Чтобы изменить разговор, он поспешно спросил:

— Кунцево — это где?

— Под Москвой. То есть уже в Москве, район такой. Не слыхал?

Валька покачал головой.

— Я там в школе училась,— успокаиваясь, объяснила Оксана Николаевна.— Мы все тогда считали, что Кунцево — знаменитое место. Из-за Багрицкого. Ты читал его «Смерть пионерки»?

— Нет.

— Да ну? Отличная поэма.

— Не люблю я стихи,— честно сказал Валька.

— Ну и напрасно... А что любишь? Про шпионов?

Можно было промолчать. Но тогда она подумала бы, что Валька в самом деле больше всего любит читать про шпионов.

Он тихо сказал:

— Про корабли. Про море...

— У Багрицкого очень много про море. Замечательные стихи. Он ведь одессит... Но «Смерть пионерки» мне больше всего нравится.

Чуть прищурившись и глядя мимо Вальки, она вдруг негромко сказала:

Над больничным садом,
Над водой озёр
Движутся отряды
На вечерний сбор.
Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

Та-та, та-та, та-та! Тра-та-та! — отдалось в Вальке. Было что-то очень знакомое в этом ударном ритме.

— А ещё? — вырвалось у него.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Трубы. Трубы. Трубы.
Подымают вой.

Валька стоял и молчал. Будто слушал шаги уходящего отряда.

— Вот так, Валька,— сказала Оксана Николаевна.— Ну, а что будем делать?

— Не знаю...

— Ты уж извини. Так получилось... Звала в гости, а получилось вот что. Пойду к соседке. Буду сидеть и жаловаться на современных детей. Она это любит ужасно.

— Тогда и я пойду,— сказал Валька и протянул сумку.— До свиданья.

— До свиданья. Но ты потом заходи... А Серёжке вместо катка будет сегодня мытьё посуды.

«Почти как у Андрюшки»,— подумал Валька.

И остановился.

— Оксана Николаевна,— нерешительно сказал он,— вот вы на каток... и ваш брат... часто ходите?

— Ходим,— сказала она.— Ну, не очень часто, а когда время есть. По воскресеньям — обязательно.

Валька переминался с ноги на ногу.

— Хочешь с нами? — вдруг спросила она. — В самом деле, давай. С Серёжкой познакомишься...

— Да нет,— сказал Валька.— Я на коньках не привык. Я на лыжах... Есть один мальчик. Один мой... знакомый.

— Твой товарищ?

— Ну... да, товарищ. Только он в первом классе. Ему коньки хотели купить, а потом забоялись одного на каток пускать...

Оксана Николаевна смотрела на него очень внимательно. Валька почувствовал себя так, будто ему велели: «Бегунов, дай дневник! Я напишу, чтобы родители пришли в школу».

Он сказал:

— Ему очень хочется на коньках кататься. Он даже ревел потихоньку.

Всё так же глядя на Вальку, Оксана Николаевна ответила:

— Понятно. Знаешь, нельзя, чтобы человек ревел. Даже потихоньку. Ты меня с ним обязательно познакомь.

— Спасибо,— сказал Валька и почувствовал, что сегодня у него весь день будет хорошее настроение.— Я познакомлю. Спасибо. До свиданья!

Валька вернулся к «Бригантине». Надо было идти стричься, но он вернулся к витрине с нарисованным парусником, потому что тот берёг в себе какую-то загадку.

«Надо смотреть внимательней»,— сказал себе Валька. Но сосредоточиться не мог. Потому что думал сразу и о парусах, и о малыше Новосёлове, который так и просился в альбом, и об Оксане Николаевне. Здорово получилось: шёл с учительницей, а говорил о таких вещах, о которых обычно говорят с мальчишками. Словно Валька и не ученик её, а просто хороший знакомый. Или младший брат. Как её Серёжка...

Этому Серёжке, конечно, совсем неважно, что его сестра учительница, и он зовет её просто Оксана и швыряет в неё снежки, когда они вместе идут на каток, и дурачится с ней. Так же, как Валька с Ларисой, когда она приезжает на каникулы.

Лариса поёт Вальке хорошие песни о людях,

идущих через тайгу, о кострах и звёздах. Песни негромкие и чуть-чуть печальные, но смелые. А Серёжке сестра, наверно, читает стихи. Хорошие стихи. Сразу запоминаются.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

— В синьке грозовой...— сказал Валька, пристально глядя на картину, и увидел вдруг, что за парусником, на горизонте, встаёт грозовая синева. На море и на небо легла тревожная тень совсем недалёкого шторма.

Соединение слов и краски сделало удивительную вещь. Вальке показалось, что картина качнулась ему навстречу.

Он увидел, что написана она вовсе даже не плохо.

Просто художник не знал, какие бывают бригантины, и выбрал парусную развалину, старое пиратское корыто. И он здорово изобразил неуклюжесть и скрипучесть этого корыта, шероховатость облупившихся бортов и тяжёлую силу вздувшейся парусины.

Но ещё лучше получились волны. Невысокие, пологие, они шли от горизонта прямо на Вальку. Это была зыбь, широкие водяные складки. Одной стороной они отражали ещё светлое небо, а другой, обращённой к горизонту, — темноту шторма. Темнота была пробита неяркими бликами крутой и мелкой ряби, покрывавшей волны. В этом чередовании светлых и сумрачных полос заключалась главная загадка картины: казалось, что волны движутся, обгоняя и раскачивая неторопливую парусную громаду.

И Валька понял, что ему отчаянно хочется

взяться за карандаш или кисть. Нарисовать корабль на оживших волнах. Свой корабль. Стремительный и лёгкий, настоящую бригантину. Это было желание радостное, как ожидание праздника. И Валька знал, что оно уже не исчезнет.

Оно не исчезло.

День был длинный, искристый, шумный. И весь этот день Вальку не покидала беспокойная, самая главная радость. Иногда он даже забывал, откуда эта радость, но где-нибудь на лыжном спуске вдруг снова, мгновенно и ярко, вспоминалось: «А волны! А бригантина!» И снег был ослепительно чистый, как громадный лист альбома, открытого для удивительных рисунков.

А потом пришёл вечер с огнями, синевой и зеленоватым тонким месяцем среди чёрных антенн. Валька последний раз съехал с бугра и обессиленно бухнулся в снег.

Сашка Бестужев не сумел затормозить и налетел на него. Свалился, потерял очки и рукавицу.

— Не мог ты брякнуться в стороне? — спросил он, шаря в снегу.— Бесишься, как перед каникулами...

— Весело...

Сашка вытянул из снега очки, сунул их в карман, успокоился и произнёс:

— Нечего радоваться. Завтра понедельник, а не воскресенье.

— Подумаешь, понедельник,— отмахнулся Валька и хотел промолчать, но не смог.— Вот если бы ты новую комету открыл, ты бы радовался?

— А-а...— сказал понимающий Сашка и больше не спрашивал. Наверно, стал думать о своей комете.

А Валька пошёл домой, кое-как разделся и, будто подрубленный, грохнулся в кровать.

Но он уснул не сразу.

Сначала он просто закрыл глаза и вызвал свои корабли. Он устроил смотр всему флоту.

Ближе всех от берега шли маленькие парусники: одномачтовые шлюпы, полуторамачтовые йолы и кечи. Чуть подальше скользили лёгкие шхуны. Потом — бригантины и бриги, большие трёхмачтовые шхуны и баркентины. А далеко-далеко, почти у самого горизонта, громадные, как облака, двигались трёх-, четырёх- и пятимачтовые барки и фрегаты.

Обгоняя эскадру за эскадрой, проносились узкие клипера с невесомыми грудами удивительно белых парусов...

И вдруг из этого бесшумного хоровода вырвался и пошёл прямо на Вальку двухмачтовый парусник с высоко вскинутым бушпритом. Круто накренившись, он почти чертил волны длинным гиком грот-мачты.

«Вот она, моя бригантина»,— подумал Валька. Но это была марсельная шхуна, потому что, кроме прямых парусов, она несла на фок-мачте косой гафельный парус.

Пологие волны шли к берегу, чередуя полосы света и тени. Сны уже наслаивались друг на друга, как прозрачные рисунки. Сквозь корабли Валька вдруг увидел маленького Игоря Новосёлова, который держал целый букет эскимо и сосредоточенно думал, с какого начать.

«Не получил ещё ангину?» — спросил Валька.

Новосёлов заулыбался и протянул ему все порции. Но Валька не успел отказаться от щедрого подарка. Заснул.

ПАРУСА. ВАЛЬКИНЫ АЛЬБОМЫ

В среду после пятого урока Зинка Лагутина сказала:

— Бегунов, а я что-то знаю...— и хихикнула.

— Что ты знаешь? — поинтересовался Валька. Не терпел он Зинкину привычку загадочно хихикать и делать из пустяков тайны.

— Знаю,— сказала Зинка.— Ты сегодня опять сбежишь с репетиции.

— А Волга?— мстительно спросил Валька.

Она захлопала глазами.

— Что «Волга»?

— Впадает в Каспийское море? А дважды два — четыре? А колёса — круглые?

Зинка подумала и сказала:

— Не остроумно.

Валька сердито давил коленом и старался застегнуть набитый портфель.

— Анна Борисовна говорила, что если кто-нибудь на хор не будет ходить, она у того родителей вызовет,— сообщила Зинка.

— Она это каждый день говорит,— сквозь зубы ответил Валька и приналёг на портфель.

Зинка опять хихикнула.

— Она говорит, что сама будет следить, чтобы никто не убежал с репетиции.

— Убегают из тюрьмы,— сказал Валька и щёлкнул замком.

Зинка взглянула как-то сразу удивлённо и хитро. И быстро проговорила:

— Ой, Бегунов, ой, какой ты...

— Какой?

Но Зинка уже шла к своей парте и, не обернувшись, покрутила над плечом растопыренной ладонью: такой, мол, странный...

Валька молча подхватил портфель. Зинка сказала:

— Я на хор, наверно, тоже не пойду. Лучше в кино. «Выстрел в тумане». Смотрел?

— Смотрел,— соврал Валька.— Дрянь.

Он вышел в коридор и зорко глянул по сторонам: нет ли завуча? Оставаться на репетицию и разучивать песенки о зимних каникулах совершенно не хотелось. Дома Вальку ждала «Легенда океана».

Он решил назвать так свой парусник. Шхуну, которую хотел нарисовать среди бегущих волн и рваных облаков — предвестников шторма. Шхуну, а не бригантину. Марсельная шхуна лучше бригантины. Её нижний парус на фок-мачте не заслоняет лёгкого и тугого переплетения снастей, и от этого все паруса кажутся приподнятыми и невесомыми. И судно выглядит стройнее.

Валька три дня думал о паруснике и не брался за карандаш. Боялся спугнуть свою «Легенду». Он знал, что так бывает: сядешь за рисунок раньше времени — и первая неудача прогонит радость.

Но сегодня Валька почувствовал: пора. Валька помчался в раздевалку.

И там он увидел Андрюшку.

Андрюшка, уже одетый, стоял у окна и скучал. Заметил Вальку и сдержанно заулыбался.

«Ждал,— понял Валька.— Целый лишний урок ждал».

Они вышли на улицу. Был тёплый бессолнечный день, и на тротуары косо падал снег. Это с далёкой Атлантики пришёл на Урал влажный ветер, прогнал холод и принёс мягкие снегопады.

— Мы уже сделали крепость,— сообщил Андрюшка.— Почти совсем.

— Угу...— сказал Валька.

— Только ты пять зубцов нарисовал на башне, а получилось четыре.

— Можно и четыре,— сказал Валька. Он думал о том, следует ли рисовать шхуну с поставленным фор-брамселем. Если близится шторм, брамсель должны убрать. Но без него парусник будет выглядеть гораздо хуже. Исчезнет его стремительность, его наполненность ветром.

«Оставлю»,— решил Валька.

В конце концов, если упущено время и шторм подошёл вплотную, верхний парус не убрать даже при желании. Пока не сорвёт его ветер...

— Валька...— сказал Андрюшка.— Знаешь что, Валька? Нарисуй мне костюм...

— Ага...

— Ну Валька! Ты же не слышишь.

— Какой костюм?— Валька поморщился.

— На ёлку. Для утренника. Пиратский...

— Че-го?

— Пиратский костюм,— тихо повторил Андрюшка.— Как в «Острове сокровищ». Морской.

— Зачем?

— Ну для ёлки же,— с нажимом повторил Андрюшка.

— Да нет, зачем пиратский? Андрюшка...— И чуть-чуть Валька не брякнул: «Какой из тебя пират? Как ястреб из цыплёнка». Но не сказал. Только губу прикусил, чтобы не поползла улыбка. Он представил щуплого Андрюшку в широченных сапогах с раструбами, в камзоле с отворотами, в тяжёлых ремнях с громадными пряжками. И пара пистолетов за поясом. И, пожалуй, чёрная повязка на левый глаз... Кар-рамба!

А что! Смешно, но здорово!

— Все одинаковые костюмы делают,— сказал Андрюшка.— Я сперва хотел космонавтом наря-

диться, а космонавтов будет двадцать семь! А больше никак не знаю. Балериной, что ли?.. Мама сказала, что, если ты нарисуешь, она костюм сделает. А без картинки не может.

— Нарисую,— согласился Валька.— Только завтра.

— Завтра я приду. А сегодня ты занят?

— Сегодня я чертовски занят,— серьёзно сказал Валька.

Он с порога метнул в угол портфель и шагнул к столу, печатая каблуками мокрые следы. Как тугая струна, пело в Вальке радостное нетерпение. Хорошо, что на столе всегда стоят отточенные карандаши. Хорошо, что стол покрыт новым листом зелёной бумаги — ещё без клякс, царапин и надписей. Первый набросок можно сделать прямо здесь.

Забыв снять пальто, Валька склонился над столом. Дотянулся до карандаша. Подумал секунду и острым грифелем вычертил гибкую линию форштевня. Мысленно он тут же продолжил рисунок до бугшприта, лёгкого, словно вскинутое для атаки копьё. А над бугшпритом — три узких парусных треугольника: бом-кливер, кливер и стаксель...

Знания о парусах приходили к Вальке постепенно и незаметно. Отовсюду. Из книжек, где были краткие морские словари. Из журналов, где нет-нет да и мелькнёт снимок учебного барка или экспедиционной шхуны. Из фильмов, где снятые на киноленту модели в точности похожи на большие фрегаты.

Все люди читают эти книги и журналы. И фильмы смотрят. Но тут же забывают сложные названия ветров, снастей и парусов. Ведь главное — приключения.

А Валька не забывал. Он никогда не видел ни

моря, ни парусов, но он любил их, как другие любят музыку, стихи или цветы. И умение отличить барк от фрегата или бриг от бригантины приносило Вальке радость. Такая же радость, наверное, бывает у скрипача, если послушен и лёгок смычок...

Валька радовался и сейчас: знал, что рисунок даст ему много хороших минут.

Он не будет торопиться. Сначала лёгкими линиями наметит корпус шхуны, а потом займётся волнами. Сейчас ему уже не хотелось изображать мерное движение зыби. Он вздыбит позади судна лохматый гребень, раскачает море гривастыми валами, с которых срываются хлёсткие клочья пены. И по тёмным волнам раскидает блики от пробившегося луча.

И потом уже, над неспокойным этим морем, построит Валька лёгкие силуэты мачт с кружевом снастей и стремительной парусиной фор-марселя. С узкими, как клинки, треугольниками кливеров.

Валька зажмурился и увидел свою «Легенду» отчётливо, словно на фотографии. Рисуй, как с натуры.

Но Валька отложил карандаш.

Чего-то не хватало в увиденной картине. Была у этой шхуны какая-то одинокость. Слишком много волн — и слишком маленький кораблик. Летит под ветром куда-то...

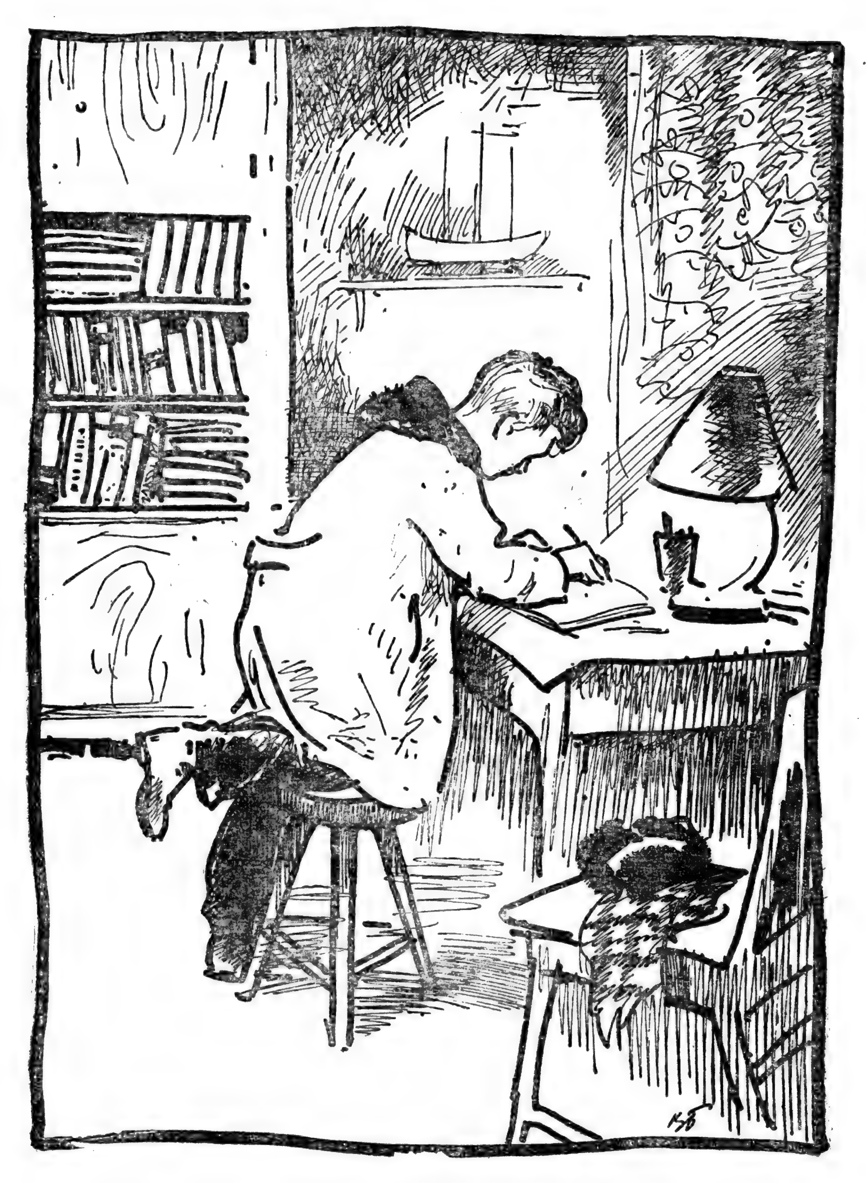
Куда? Кто его ждёт?

«Никто»,— подумал Валька и понял, что нужен человек.

Человек, который ждёт.

И берег, и волны, которые взлетают у прибрежных камней.

Но какого человека нарисовать на берегу? Взрослых рисовать он почти не умел, да и не

Забыв снять пальто, Валька склонился над столом.

интересуют взрослых парусные корабли. Валька нарисует мальчишку. Немного помладше, чем он сам. Мальчишку, который сидит на причальной тумбе и смотрит, как возникает из тумана и волн летящий силуэт парусника.

Возникает и проходит мимо. Как «Летучий голландец». Может быть, последний парусник на свете. Почти сказочный. Но настоящий...

Валька медленно стянул пальто. Он опять не спешил браться за карандаш — боялся спугнуть новую мысль.

«Только надо найти мальчишку»,— сказал себе Валька.

Он открыл тумбочку письменного стола и оттуда, из-под старых учебников, вытащил свой альбом.

Это был не тот альбом, который Валька носил на уроки рисования. В том, в школьном, были изображены кособокие, старательно растушёванные, кувшины, чучела уток, гипсовые завитки и уходящие вдаль рельсы (последний рисунок назывался «перспектива»). Под рисунками стояли отметки: четыре, четыре с минусом, очень редко пятёрка, иногда тройка.

Рисовать кувшины и перспективы Вальке было лень. Кому они нужны? Учителя по рисованию (а они часто менялись) не говорили ему одобрительных слов. И никто, почти никто не знал, что́ Валька может на самом деле. Потому что почти никто не видел его второго альбома.

В нём Валька рисовал то, что любил: парусные корабли, фантастические города и своих приятелей-малышей. Корабли и города он рисовал давно, а ребят начал позднее, но они занимали много страниц.

Валька сам не ожидал, что так получится.

В августе, когда зачастил к нему Андрюшка, Валька не думал, что это всерьёз и надолго. Но проходили дни, и почти каждый из них начинался с Андрюшкиного появления. Иногда он приводил всю компанию. Шумная компания в Валькиной комнате вежливо притихала и смотрела на хозяина с почтением. «Валька, ты поможешь кирпичи притащить? Мы будем печку складывать»,— говорил Андрюшка и смотрел уверенно и спокойно. Он никогда не сомневался, что Валька поможет. «Ты не знаешь, где взять во-от такой циркуль? Нам надо круг на земле начертить, мы будем цирк строить». «Валька, нарисуй нам ракету. Мы её из бочки будем делать».

Чаще всего они просили именно нарисовать. Потом по Валькиным рисункам они возводили свои сооружения: мосты через канаву, звездолёты, крепости и поезда. Не всегда это получалось, не хватало времени и материалов, и где-нибудь в середине дня Андрюшка появлялся снова. Исцарапанный, перемазанный, но спокойный и деловитый. «Валька, а если крылья сделать не из досок, а из картона?..»

Но однажды Андрюшка не появился. Прошёл день, потом второй, и Валька почувствовал ревнивое беспокойство. Он прихватил альбом, будто идёт порисовать на улице, и отправился к ним во двор. Вся компания дружно скакала по асфальту на одной ножке — играла в классы. Почему вдруг в августе они вспомнили эту весеннюю игру?

Вальку малыши встретили радостными криками, но прыгать не перестали.

И тут он отчётливо понял, что они, в конце концов, без него обойдутся, а он без них не может.

С тех пор Валька стал приходить к ним с аль-

бомом. Это было очень удобно: они занимаются своим делом, а он рисует.

Иногда Валька бросал карандаш, чтобы помочь малышам в каком-нибудь трудном деле, но они не часто обращались за этим. Они очень уважали Валькину работу. И если он просил их постоять и не двигаться, они послушно замирали в самых неудобных позах.

...Валька листал альбом. Среди набросков и законченных рисунков он хотел найти что-нибудь подходящее для новой работы, для «Легенды океана». Какого-нибудь мальчишку, который сидит так, как сидят на берегу. Но очень скоро он понял, что это бесполезно. Каждый рисунок мог быть хорош сам по себе, но не годился, чтобы его использовали для другого.

Вот «Гладиаторы»: Толька Сажин вскочил на перевёрнутую бочку и отбивается деревянным мечом от наседающих мальчишек. Чёрные брови сведены к переносице, а волосы над лбом встали торчком, как гребень у бойцового петуха. Кажется, похоже получилось...

«Космонавты»... Всё та же бочка, превращённая теперь в ракету. Четверо сидят в ней, а пятилетний Борька стоит в стороне и надулся: ему поручили руководить запуском с Земли.

«Первый снег»... Деревья и палисадники уже в пушистых оторочках, но на земле снега ещё очень мало, и двое мальчишек скребут лыжами по замёрзшим комкам. Это он Андрюшку и Павлика рисовал.

«Ирка и месяц»... Тонкая берёзка, узкий светлый месяц над ней и притихшая Иринка. Стоит, запрокинув голову. В ботах, в капюшоне. Конец октября...

И ещё рисунки. Летние, осенние, зимние...

Постепенно Валька перестал стесняться своей дружбы с Андрюшкиной компанией. А вот рисунки эти не показывал никому. Наверное, так же прячут свои первые стихи начинающие поэты и так же какая-нибудь девчонка никому не показывает записку с приглашением в кино, полученную от мальчишки из соседнего класса... У каждого бывает своя тайна, и каждый имеет на неё право.

Валька слишком много любви вкладывал в свои рисунки и боялся, что кто-то скользнёт скучным или насмешливым взглядом и спросит: «Зачем ты возишься с этой мелкотой? Неужели охота?» А может быть, не спросит, но подумает.

Показать бы тому, кто обязательно поймёт. Но кому? Учителя по рисованию менялись в школе буквально через каждые две недели, и ни один из них Вальке не нравился. Кроме последнего.

Недавно в классе появился Чертёжник. Чертёжником его прозвали старшеклассники, к которым он пришёл немного раньше. Звали его Юрий Ефимович.

Он был высокий, русоволосый и очень молодой. Чуть сутулился, но иногда вдруг резко выпрямлялся, и тогда Вальке казалось, что на боку у него висит невидимая шпага. Говорил Юрий Ефимович, слегка запинаясь на звуке «р», и у него получалось временами вместо «рисовать» и «ребята» — «р-лисовать», «р-лебята». Но это даже нравилось Вальке так же, как нравился его спокойный голос и какая-то особая точность и цепкость движений.

На первый урок Чертёжник пришёл с глобусом и сказал:

— Давайте попытаемся изобразить эту штуку... Только обратите внимание, что глобус — это не просто шар на подставке. Это модель Земли. Планеты. С морями, горами и пустынями... Не знаю,

как вам, а мне глобус всегда напоминает о приключениях и о космосе... Короче говоря, я не буду возражать, если вы нарисуете его летящим среди комет, облаков, спутников или в окружении какой-нибудь... ну, скажем, тайны.

Класс загудел.

— Думайте,— сказал Чертёжник.

Валька нарисовал тогда громадный земной шар, который восходит из-за морского горизонта. А по морю, навстречу ему, скользит высокая трёхмачтовая каравелла.

Море не получилось у Вальки, да и весь рисунок был поспешным и неудачным. Но Чертёжник взглянул и тихонько сказал:

— Интересно...

«Может, показать ему всё?» — подумал тогда Валька. Но было страшновато. И он решил посоветоваться сначала с Сашкой.

В старших классах Сашку, наверно, будут звать декабристом. Но пятиклассники о декабристах знали не очень много и звали Сашку просто Стужей. Фамилия у него — Бестужев.

Сашка — человек непростой. Иногда казалось, что у него до крайности весёлый нрав, а иногда он становился задумчив или раздражителен. Кроме того, Сашка отличался рассудительностью в речах и небрежностью в одежде. Круглые очки у него всегда сидели «наперекося», руки пестрели чернильными веснушками, одна штанина казалась короче другой, а пуговицы на рубашке были перепутаны. Время от времени Сашкины родители спохватывались, отмывали его, обряжали в новый костюм какого-нибудь рижского фасона и приводили в порядок причёску. Сашка появлялся в школе — тон-

кий, изящный, похожий на юного скрипача. Но, верный своим привычкам, через несколько дней он приводил себя в обычный вид, а родителей в уныние.

Валька не обращал внимания на Бестужева. А их близкое знакомство началось с короткой и сдержанной ссоры. Случилось это в начале октября, в парке, куда пятый класс ходил на экскурсию.

Бестужев был не виноват. Виноват был скорее сам Валька. Когда все разбрелись по усыпанным листьями лужайкам, Валька повесил портфель на ветку. Не хотелось таскать лишнюю тяжесть. В портфеле среди учебников лежал заветный альбом. Валька принёс его, потому что надеялся порисовать в укромном уголке. Укромных уголков не оказалось, и Валька отправился бродить по сухим шелестящим тропинкам.

А ветка в это время сгибалась и сгибалась.

Когда он вернулся к берёзе, портфель с отскочившим замком валялся в траве, а рядом стоял Сашка Бестужев и внимательно разглядывал Валькины рисунки.

И хотя пугаться было нечего, Валька в первую секунду испугался. От неожиданности. Потом разозлился и почувствовал жгучую обиду. Что же это такое, в самом деле! На висячий замок, что ли, портфель запирать? Он шагнул к Бестужеву и очень невежливо рванул альбом. Сашка вздрогнул, и очки у него перекосились сильней обычного. Опустившись на колено, Валька стал заталкивать альбом в портфель. Он ощущал противную дрожь, словно только что подвергся страшной опасности. Сашка неловко топтался у него за спиной. Наконец он сказал:

— Этот альбом валялся рядом с портфелем. Он

всё равно был открыт. Ветер перелистывал у него страницы.

— Какой любопытный ветер! — язвительно заметил Валька.

— В конце концов, тут не написано, что это твой альбом.

— Может быть, написано, что он твой?— спросил Валька и выпрямился.

Такой надписи не было, и Сашка нерешительно пожал плечами. Потом сказал:

— У тебя нервы слабые.

— Зато кулак крепкий,— с вызовом ответил Валька и понял, что брякнул глупость: во-первых, кулак не был крепким, во-вторых, драться сейчас было просто смешно и бесполезно.

Он поднял портфель и, не оглядываясь, пошёл к парковым воротам.

Впрочем, на следующий день он уже почти не думал об этом случае. Вспомнил только тогда, когда поймал Сашкин взгляд. Взгляд был внимательный и немного виноватый. Валька отвернулся.

Когда Валька возвращался из школы, Бестужев догнал его. С минуту он молчал и шёл, отставая на полшага. Потом сказал:

— Зря ты злишься.

— Я не злюсь,— сказал Валька. Он в самом деле не злился. Чего теперь злиться? Главное, чтобы этот очкастый, худой и почти незнакомый одноклассник не болтал всем про альбом. Но он, кажется, не болтун.— Я не злюсь,— повторил Валька.— Я только вчера разозлился. Думаешь, приятно, когда кто-то...— Он сбился. Хотел сказать «суёт свой нос не в своё дело», но побоялся новой ссоры.

— ...когда кто-то любопытный лезет куда не надо,— добавил Сашка.— Я знаю. Понимаешь, я

— Я понимаю. Ты не беспокойся, Бегунов. Я будто ничего не видел. И не скажу никому никогда.

удержаться не мог. Если бы обыкновенный альбом, а то такие рисунки замечательные...

Он сказал «замечательные» так просто, что Валька сначала даже не почувствовал похвалы. И только через секунду понял, что услышал оценку. Причём отличную оценку. До сих пор почти никто не говорил Вальке, хорошо или плохо он рисует. Разве что Андрюшка и его друзья. Но им всё казалось хорошо. Иногда, правда, родители видели его наброски парусников или рыцарских замков. Но, похвалив, они обычно спрашивали, выучил ли Валька уроки. Потому что карандашами сын забавляется ещё с дошкольного возраста, к этому привыкли, а к тому, что он временами двойки хватает, привыкнуть трудно...

А Сашка взял и сказал «замечательно». И сразу видно, что искренне сказал.

Валька молчал. Ему и приятно было и неловко.

— Я не люблю показывать, что рисую,— наконец проговорил он.— Начинают сразу спрашивать: это как, это зачем, а это что? Ну, в общем, плохо это как-то. Не знаю...

— Я понимаю,— откликнулся Бестужев.— Ну ладно, ты не беспокойся, Бегунов. Я будто ничего и не видел. И не скажу никому никогда.

Это «никому никогда» он произнёс так просто и твёрдо, что Валька понял: отрезано.

Валька покусал губу, покраснел и спросил:

— А тебе... вот тогда, в альбоме, что больше понравилось?

— Да всё,— сказал Сашка.

На следующий день они пошли домой вместе, хотя не договаривались заранее.

— Раньше я переулками ходил,— сказал Бестужев,— но эта дорога, пожалуй, ближе.

Они жили в квартале друг от друга.

Кроме этих возвращений из школы, они редко бывали вместе. Даже на переменах разговаривали не часто. Но когда Валька остался на дополнительные занятия по немецкому, Бестужев целый час сидел в коридоре на подоконнике, ждал. А до дому идти было пятнадцать минут.

У Сашки было очень симпатичное лицо: серьёзное, тонкобровое, остроглазое. Очки его не портили. Они словно отдельно от лица существовали. Когда Сашка начинал говорить о чём-нибудь серьёзном, он очки снимал и, прищурившись, смотрел мимо собеседника. Словно разглядывал дальнюю мишень. Именно так он однажды сказал Вальке:

— Зайдём ко мне...

Они зашли, и Бестужев выложил перед Валькой какие-то блестящие стёкла и картонные трубки.

— Вот. Завтра собирать начну,— сказал он, немного волнуясь.

— Что это?

— Да так... Вроде телескопа. Но ты никому об этом. Вдруг не получится.

Валька молча кивнул. Понял, что Сашка доверяет свою тайну в благодарность за альбом, который Валька уже показал ему.

Впрочем, он не очень верил, что Бестужев построит телескоп. Но Сашка построил.

Валька хорошо помнит, как впервые глянул в окуляр телескопа. В чёрном космосе среди бледных звёздных точек висел светлый кружок планеты. С двух сторон от него, на линии экватора, горело по две колючих искры.

— Юпитер со спутниками,— сказал сзади Сашка.

Валька боялся вздохнуть. Юпитер медленно сползал к краю видимого кружка неба. Шумел да-

лёкий поезд, дребезжало стекло открытой форточки, и Вальке вдруг показалось, что это сдержанно гудят громадные моторы, вращающие Вселенную.

— Ну и сила...— выдохнул он.

Но Сашка, сняв очки, сказал:

— Юпитер... Это всем известная планета.

— Ты хочешь открыть неизвестную?— спросил Валька.

Бестужев помахал очками.

— С такой трубкой планету не открыть... Но знаешь, было много случаев, когда неизвестные кометы впервые замечали любители. И даже сверхновые звёзды открывали. Это точно.

Валька не знал, что такое сверхновые звёзды. Он поинтересовался:

— А как ты узнаешь, открытая это комета или ещё не открытая?

— Как-нибудь,— ответил Бестужев.— Когда ты берёшь карандаш, ты ведь знаешь, как его держать. Ну вот. И я кое-что знаю.

— Понятно...— сказал Валька.

— Ну, и ещё...— попросил Сашка.— Этот разговор о кометах... между нами.

— Никому, хоть огнём жги,— поспешно пообещал тогда Валька.

Бестужев вдруг усмехнулся.

— А тебя жгли огнём?

— Что?

— Ну, вот ты говоришь: хоть огнём жги...

— Подумаешь...— немного обиделся Валька. И чего Сашка прицепился к слову?

Сашка сказал:

— Может, слышал про Гая Муция Сцеволу? Был такой в Древнем Риме, я читал. Только точно не помню. Кажется, его в плен захватили и начали

пытками грозить. А он взял и положил руку в огонь. Печка там, что ли, топилась... Ну, враги сразу от него отступились.

— Ну и что?— сказал Валька.

— Я один раз попробовал палец над свечкой подержать. До десяти считал. Просто дым из ушей... А как он — всю руку?

— А Венеру видно в твой телескоп?— спросил Валька.

Палец болит до сих пор. До скольких удалось сосчитать, Валька не помнит. Сейчас даже вспоминать не хочется: надо же было такой глупостью заниматься. Один палец обжёг, а казалось, что всей рукой держал огонь. Хорошо ещё, что левая рука.

В правой — карандаш. Валька снова над листом.

ПАРУСА. АНДРЮШКА И ВЕТЕР

Сначала казалось, что рисовать будет легко. Всё представлялось очень ярко: мальчик на круглой причальной тумбе, взлетевшая грива прибоя и шхуна, идущая вдоль берега... И ветер, который дует с моря. Он дует не прямо в лицо мальчишке, а немного сбоку. Лохматит волосы и треплет рубашку.

Но когда Валька взял карандаш, всё оказалось в тысячу раз труднее. Он извёл уже с десяток листов, но так и не смог сделать нужного наброска.

Шхуна получалась неплохо. И рваные языки прибоя над пирсом были такими, как он хотел. Но чувствовался в рисунке какой-то разнобой: парусник сам по себе, а мальчишка сам по себе. Не было между ними связи. Не было тайны и ожидания. Равнодушно как-то всё выходило.

Наверно, потому, что не получался мальчишка.

Валька с ним замучился. Он привык рисовать ребят с натуры, а сейчас приходилось делать наброски «из головы». Фигурка мальчика на причальной тумбе получалась какой-то неестественной. То он выглядел слишком спокойным, то, наоборот, каким-то испуганным, то просто походил на кривобокого уродца.

А надо было, чтобы он волновался, ждал и радовался, чтобы всё это чувствовалось в том, как он сидит, в его повороте головы. Ведь лица у него не видно: он спиной к зрителю.

Не получалось.

До сих пор всё было легче. Втайне Валька даже гордился своим умением рисовать. Тонкими чёткими штрихами он мог точно и выразительно передать на бумаге то, что видел, а иногда и то, что придумал. Но сейчас надо было показать в рисунке не просто корабль и мальчишку. Надо было показать чувство. И умения не хватило.

Измученный и злой, забывший об уроках, Валька вспомнил, однако, что вот-вот придёт Андрюшка, которому обещан эскиз маскарадного костюма. В Валькиных переживаниях Андрюшка не виноват, а костюм ему очень нужен.

Валька взял новый листок и за пять минут изобразил отчаянного пирата в испанской косынке, в сапогах с отворотами, в камзоле и с кортиком. Этот рисунок не требовал особого вдохновения.

Андрюшка словно только и ждал, когда Валька кончит. Он постучался и, сбросив у порога валенки, мохнатым шаром вкатился в комнату.

— Получай,— сказал Валька.

Андрюшка взял листок осторожно, как почётную грамоту. Несколько секунд он смотрел серьёзно и внимательно, потом заулыбался.

— Годится?— спросил Валька.

Андрюшка кивнул, не отрывая глаз от рисунка. Он стоял без шапки, и голова его с тонкой шеей и взъерошенными волосами чётко рисовалась на фоне яркого окна.

— Андрюшка...— осторожно сказал Валька.— Ты бы снял свою шубу, а?

Андрюшка послушно скинул шубёнку и повесил на ручку двери. Потом вопросительно глянул на Вальку. Валька спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о «Летучем голландце»?

— Корабль такой...— нерешительно сказал Андрюшка.

— Ага... Ну ладно. Ты вообще видел парусные корабли?

— В кино.

— Андрей...— Валька посмотрел на него почти жалобно.— Ты мне поможешь, ладно? Мне надо нарисовать одну вещь... Понимаешь, тебе ничего не надо делать, только сесть на табуретку и подумать, будто на берегу моря сидишь. На такой чугунной тумбе...

— Я знаю, они кнехтами называются,— оживился Андрюшка.

— Точно! Сможешь? Будто ты сидишь и видишь, как у берега корабль идёт. Красивый, парусный...

— Ладно,— сказал Андрюшка,— я посижу. А на море шторм?

— Почти.

Валька принёс из кухни круглую табуретку и усадил Андрюшку у стены, спиной к себе.

Неизвестно, представил ли Андрюшка море и корабль. Может быть, он просто был благодарен Вальке за эскиз костюма. Но он старался. Он опу-

стил одну ногу, а вторую поставил на сиденье и обнял колено. Потом чуть подался вперёд, изобразил внимание.

В первый момент Вальке показалось, что всё теперь как надо. Он схватился за карандаш и набросал уже на листе Андрюшкину голову, как вдруг заметил, что дальше рисовать не стоит. Андрюшка сидел в неудобной каменной позе, будто на шатком заборе.

— Ну что ты как деревянный...

Андрюшка шевельнулся и устроился поудобнее. Но теперь у него топорщилась куртка, а голова ушла в плечи. И вообще в своём лыжном костюме он казался сейчас толстым и неуклюжим.

— Какой-то мешок, только уши торчат,— не выдержал Валька.

Андрюшка виновато покрутил головой. Он, видимо, очень хотел помочь Вальке. Но как?

— Может, курточку снять? — спросил он.

— Точно... Хотя нет... Послушай, Андрюшка, у тебя ведь был летом моряцкий костюм. С воротником. Он сейчас тоже есть?

— Есть,— сказал Андрюшка не очень уверенно.— Только где? Надо в шкафу поискать... В нём будет хорошо, да?

— Ещё бы! — сказал Валька. Он представил, как заплещет под ветром синий воротник. А ветер сделать нетрудно. Есть старый верный вентилятор, который служит семье Бегуновых много лет.

— Тогда я схожу,— предложил Андрюшка. Наверно, были у него свои дела, тоже важные и интересные, и в голосе его уже не слышалось прежней готовности. Но всё-таки он оделся и снова сказал: — Я схожу. Я скоро.

Валька отыскал вентилятор. Разбуженный от зимней спячки, вентилятор загудел сонно и недо-

вольно, а потом рассердился и раскрутил в комнате такой вихрь, что все Валькины листы взмыли со стола к потолку.

— Тебя бы на самолёт вместо пропеллера,— сказал ему Валька.

Хлопнула дверь, и в коридоре послышалась возня. Это Андрюшка стягивал свои зимние доспехи.

Он шагнул в комнату будто прямо из июльского дня. Лёгонький, тонконогий и словно сразу же подросший. Видно, он и в самом деле подрос за осень: матроска стала коротка и выбивалась из-за пояска, а руки смешно торчали из синих с белыми полосками обшлагов.

— Вот...— стеснённо сказал Андрюшка и поёжился.

Валька понял его: отвыкший от лета, Андрюшка чувствовал себя неловко и зябко при холодном свете замёрзших окон и при этом вихре, который гулял по комнате.

Валька выключил вентилятор и бодро сказал:

— Ну, ты отлично выглядишь! Давай садись. Я тебя долго мучить не буду. А ветер я сделал нарочно, чтобы как на море.

— Хороший ветер,— заметил Андрюшка и повеселел.

Он опять устроился на «кнехте», а Валька послал на него шуршащий воздушный вихрь. Воротник рванулся и захлопал, как синий флаг.

Андрюшке не сиделось спокойно. Он ворочался, двигал локтями, крутил головой, не мог поставить как следует ноги. «Что ты крутишься, как флюгер!» — чуть не сказал Валька. Но не сказал, а схватил карандаш и лёгкими длинными штрихами начал набрасывать Андрюшкину фигурку. Одну, вторую, третью. Скорей, скорей!

Это самое лучшее, что можно сделать. Пусть Андрюшка вертится, а он будет рисовать. Потом он выберет, что нужно. Так же, как на киноленте выбирают лучший кадр для фотоснимка...

Первый набросок был совсем неудачный: голова вскинута, сам Андрюшка подался назад, локти растопырены и колено торчит из-под руки острым углом. Остальные были лучше, но и они казались не очень хорошими. И Валькин карандаш метался по бумаге ещё и ещё.

Для Вальки время летело. А для Андрюшки оно, видимо, тянулось до ужаса медленно. И он не выдержал наконец:

— Валь, сколько уже на часах?

Было половина пятого. День за окнами начал синеть.

— В пять по телевизору мультик будет,— нерешительно высказался Андрюшка.

Валька устало распрямился:

— Ладно. Хватит. Беги смотреть телевизор.

— Получилось у тебя?

— Да. Спасибо, Андрюшка.

На самом деле он не был уверен, что получилось. Белый лист ватмана пестрел Андрюшкиными фигурками, но ни про одну из них Валька не мог сказать: «Это та».

Когда Андрюшка ушёл, Валька взглянул на листок снова. Внимательней и спокойней.

И удивился.

Первый набросок вдруг показался ему удачнее всех. Именно здесь Андрюшка выглядел очень живым. Словно что-то увидел он над собой, вверху, и, чуть откинувшись, смотрит с удивлением.

«Шхуна!» — вдруг понял Валька. Шхуна подошла к самому берегу, и мачты её кажутся Андрюшке высокими, как старые сосны.

Но парусники не подходят к берегу так близко при волне и ветре. Это же смертельно опасно!

И всё-таки пусть подойдёт. Пусть шхуна возникнет у самого берега, выйдет из влажного тумана и нависнет парусами над изумлённым мальчишкой... А потом, накренившись влево, уйдёт вдоль берега в штормовую мглу. На то она и легенда океана.

Пусть паруса и мачты займут почти весь рисунок и станут громадными. И не тёмными они будут, а светлыми, почти белыми на фоне рваных облаков и свинцовых волн.

Валька сгрёб со стола все листы и вытащил альбом. Теперь можно было рисовать уже в альбоме.

А когда-нибудь позже Валька напишет акварелью большую картину.

ПАРУСА И ЖЕЛЕЗО. ВЕЧЕР

На альбомном листе рисунок получался просто здорово. Вернее, начал получаться. Всё выходило так, как Вальке хотелось. И чтобы не спугнуть удачу, он решил не торопиться, закончить его потом. Завтра или послезавтра.

Валька взглянул на тонкие мачты, на мальчишку со вздыбленным воротником матроски, улыбнулся им как живым. И прикрыл альбом.

Было уже около восьми часов. Мама и отец давно пришли с работы, но Вальке не мешали. В соседней комнате они вели долгий разговор о том, что, получив зарплату, необходимо купить Вальке новое пальто, недорогое, но хорошее, потому что старое уже совсем...

— Не надо пальто. Купите лучше транзистор,— подал голос Валька. Транзистор ему был

абсолютно ни к чему, просто захотелось подурачиться.

— Ещё не легче,— откликнулась мама, и после этого за дверью наступило молчание. Оно было негодующим и укоризненным.

— Хорошие такие транзисторы продаются,— жалобно сказал Валька.

— Совершенно не понимаю эту современную моду! — возмутился отец.— Таскать на животе громкоговорители и оглушать улицу разными твистами!

— Лучше бы вспомнил, на что похоже твоё пальто,— вмешалась мама.— Ты в нём на беспризорника похож. У других дети как дети. Вот Саша приходит — посмотреть приятно...

Пришёл Сашка, и Валька захотел, чтобы родители выглянули из своей комнаты и посмотрели. Пальто на Бестужеве сидело каким-то удивительно перекошенным образом, верхняя пуговица висела на ниточке, а шапка лихо съехала на левый бок. При этом Сашка сохранял невозмутимый вид.

Валька оглянулся на дверь. Родители понизили голоса и не показывались. Жаль. Но не звать же их, чтобы нарочно посмеяться над Сашкой.

Бестужев сел верхом на стул, поискал в кармане платок, не нашёл и шапкой начал протирать запотевшие очки. Он был явно не в духе. Наверно, облачное небо помешало его астрономическим наблюдениям.

— Разденься,— сказал Валька.

— Не буду. Я сейчас пойду. Что по немецкому задано? Я не записал.

— Завтра нет немецкого. Завтра арифметика, русский, рисование...

— Да знаю я, он послезавтра. А когда готовить? Завтра опять металлолом собираем. Забыл?

— Какой ещё металлолом? — недовольно сказал Валька.

— Обыкновенный. Такой же, какой в субботу собирали, когда ты не пришёл.

— И не приду,— буркнул Валька.— Надоело уже до зелени в глазах. Одно и то же...

— Ну и дурак,— отрезал Бестужев.— Вот обскачет нас пятый «Б», кому лучше будет?

— А кому хуже?

— Нам хуже.

— Почему?

— Что ты из себя глупого балбеса изображаешь?

Валька подумал, что умных балбесов не бывает, но вслух повторил:

— Ну, скажи почему?

— Потому что соревнование,— устало сказал Сашка.

— Очень полезное соревнование. Консервные банки ищем. А на пустыре за Андрюшкиным домом старый башенный кран валяется. Разобрали и бросили. Он уже полгода ржавеет. Уже в газете писали. А потом говорят: нужен металл.

— Нужен,— сказал Сашка.

Вот и поговори с ним. Валька даже разозлился.

— Ну и ройся в свалках, если нравится.

— Нравится. По крайней мере, весело. Не то что одному дома торчать.

— Кому что...— сказал Валька.

— Конечно. Только могут подумать, что кое-кто плюёт на весь отряд.

— Отряд...— сказал Валька. Даже без насмешки. С грустью.— При чём здесь отряд? Просто пятый «А». Даже барабана нет...

— Вот горе-то!

— «Кто не придёт на сбор, пусть без родителей

в школу не является»,— голосом Анны Борисовны произнёс Валька.

Сашка промолчал. Что уж тут скажешь.

— А Равенков ходит как фельдмаршал. «Встать! Сесть! Смирно!» Думает, если в военное училище собрался, значит, уже полководец... Вот у нас в лагере был вожатый сводного отряда...

— И пятнадцать барабанов,— вставил Сашка.

— Девятнадцать,— сухо сказал Валька и в упор посмотрел на Бестужева.

Сашка опустил глаза.

— Вожатый у нас так себе,— согласился он.— Только я не про него, а про ребят говорю. Они-то чем плохие?

— А я разве сказал — плохие?

— Не сказал. Только они идут железо таскать, а ты дома рисуешь.

— Рисую,— с вызовом сказал Валька.— Когда каток заливали, я не рисовал, а работал, хоть у меня и коньков-то нет. А ерундой заниматься мне неохота. Жестянки собирать. А кран лежит и ржавеет. Сколько в нём тонн? Пусть сперва его переплавят, а потом банки.

— Переплавят и кран и наши банки. И, между прочим, парусные корабли сейчас тоже строят из железа. И даже десяти кранов на один корабль не хватит.

— Между прочим, не строят. Из железа не строят. Раньше строили, уже давно. Были стальные барки. А сейчас баркентины с деревянными корпусами.

— Не верится что-то.

— То, что у кометы голова из ледяных глыб, тоже не верится. А я ведь не спорил, когда ты говорил.

Сашка молчал.

— Я тебе говорю не о кометах, а о тебе,— наконец возразил он.— А ты всё виляешь.

— Не надо обо мне много говорить,— тихо сказал Валька и с тревогой почувствовал, что Сашка ему неприятен.

— Хорошо,— сказал Сашка тоже тихо и спокойно.

Валька выволок из угла портфель и вытряхнул на стол тетрадки и книги. Только так можно было достать из набитого портфеля дневник.

— Вот запиши, что задано...

— Спасибо, не надо.

Неужели Сашка обиделся? Впрочем, это его дело. Валька не виноват. Он сказал:

— Как хочешь.

— Поздно уже,— объяснил Сашка.— Не успею сделать. Потом спишу у кого-нибудь.

— Ну смотри...

— Смотрю.— Сашка снова зевнул.

И Валька почувствовал, что за этим пустым разговором прячется и растёт у них обида друг на друга. Надо было сказать что-нибудь хорошее. Может быть, смешное. Поскорее разогнать обиду. Но что сказать, Валька не знал. Потому что подъёмный кран действительно ржавеет на пустыре, у баркентин деревянные корпуса, а Равенков строит из себя фельдмаршала. И, кроме того, у Сашки было такое лицо, что говорить хорошие слова не хотелось. Казалось, они отскочат от Бестужева, как ягоды рябины от гипсовой статуи (осенью в школьном сквере мальчишки стреляют ими из трубочек).

Сашка встал.

— Пойду.

— Я запру за тобой дверь.

Он вышел за Бестужевым в сени в одной рубашке, и холод сразу ухватил его в крепкие ладони.

Сашка замешкался у порога.

— Не копайся,— ворчливо сказал Валька.— Вон какой холодюга.

— Придёшь завтра? — вдруг спросил Сашка, словно не было долгого разговора.

— Железо собирать?

— Железо.

«Видно будет»,— хотел сказать Валька. Или можно было ответить: «Завтра и поговорим». Но Вальке показалось, что Сашка заранее готов услышать этот ответ и снисходительно улыбается в темноте. А тут ещё этот холод.

Я сказал: не приду.

Сашка и в самом деле, кажется, улыбался. Он спросил уже с крыльца:

— А якоря у деревянных баркентин тоже деревянные?

— Отвяжись ты...

— Отвязаться — это пожалуйста.

Снег заскрипел под его ботинками. Валька хлопнул дверью.

В комнате он начал дрожать от запоздалого озноба. Так часто бывает: попадёшь с мороза в тепло и начинаешь вибрировать, как стиральная машина.

— Бегает раздетый, а потом трясётся,— сказала мама.— Попробуй только заикнуться завтра, что у тебя температура.

Валька сердито промолчал.

— Не трогай его,— сказал отец.— Он поссорился с Сашкой и теперь будет тихо рычать весь вечер. Вон как дверью ахнул. Я думал, потолок рухнет.

— Не рухнет. Мы не ссорились, а просто поспорили.

— Хорошо хоть, что так по-джентльменски. В наше время споры больше кулаками решались.

— Чему ты учишь ребёнка! — сказала мама.

— В ваше время...— буркнул Валька. Представить, что они с Сашкой раздерутся, он просто не мог. Даже при самой смертельной ссоре они разговаривали бы тихо и спокойно.

А сейчас была ссора? Валька не мог понять. Может, и была, но он не чувствовал особого беспокойства. Завтра всё равно они забудут этот спор, потому что придёт новый день с новыми делами. Можно, в конце концов, сходить на сбор металлолома, раз уж Сашка так уцепился за это. Найдут они какое-нибудь старое корыто и с победным грохотом поволокут по улицам... Всё будет хорошо. Не может быть плохо, потому что наконец у Вальки начал получаться рисунок с марсельной шхуной. Когда у человека есть радость, она не оставляет места для глупых огорчений...

— А уроки ты сделал? — услышал Валька мамин ежевечерний вопрос.

— Почти,— уклончиво ответил он и сел писать упражнение по русскому.

АНТИЦИКЛОН. ДЕНЬ

Перед тем как уснуть, Валька услышал пронзительный голос ветра. Даже здесь, в тепле, чувствовалось, что ветер ледяной и резкий. Это примчался антициклон, который зимой вторгается на Урал из Арктики и свищет вдоль хребта.

Ветер не успокоился к утру. Жёсткие струи воздуха хлестали вдоль улиц, гнали по асфальту змейки колючего снега. Заледенелые ветки мёртво стучали друг о друга.

Валька бежал в школу, прикрывая лицо портфелем. Но когда он свернул к школе, портфель опу-

стил. Ветер теперь дул в спину, а впереди в три ряда горели жёлтые квадраты школьных окон.

Валька любил эти окна. Любил за тёплый свет в морозной синеве утра, за то, что они обещали шумный день, встречу с ребятами, с Сашкой. А если школьный день приносил огорчения, назавтра Валька забывал об этом, и окна школы снова казались ему приветливыми и радостными.

Сегодня Валька особенно спешил. Хотелось поскорей укрыться от злого ветра, окунуться в тепло и весёлый шум школьных коридоров.

Он влетел с разбегу в вестибюль и наскочил на Петьку Лисовских. Большой, грузный Петро ухватил Вальку за воротник и голосом Анны Борисовны произнёс:

— Бегунов! Бе-гунов! Мне надоело повторять, что по школе следует ходить спокойно. Кстати, почему ты опять не был на репетиции хора?

— Отчипысь,— сказал Валька.

Лисовских отпустил его и пригорюнился:

— Валь, ты мне подскажешь сегодня? Она меня обязательно вызовет разбор предложения делать, и я опять заплюхаюсь. А мне надо «пару» исправлять.

— Подскажу, только слушай как следует, а то прошлый раз я — одно, а ты — другое.

— Туговат я на ухо-то,— сокрушённо сказал Петро.

— Взял бы да и выучил этот несчастный разбор,— заметил Валька.

— Так я же лодырь,— печально произнёс Петро.— Лодырь и неразвитый тип. Мне бы во второгодники...

Валька засмеялся и пошёл раздеваться.

Всё время он искал глазами Сашку, но того не оказалось ни в коридоре, ни в классе. Бестужев

пришёл перед самым звонком. Мельком и равнодушно глянул на Вальку и заспешил к своей задней парте. Не будь вчерашнего спора, Валька не обратил бы на это внимания. Но сейчас он слегка встревожился.

Русский был первым уроком. Анна Борисовна медленно оглядела стоявших ребят и вздохнула:

— Садитесь.— Она всегда вздыхала в начале урока.— Кто дежурный? Подберите на полу бумагу. Неужели вам приятно начинать урок, когда столько мусора в классе?

Валька не был дежурным, но клочок бумаги валялся у его парты. Валька поднял бумажку и сунул в карман.

— Неужели нельзя было прибрать в классе до прихода учителя?— сказала Анна Борисовна.— Не класс, а мученье. Я, между прочим, с тобой разговариваю, Бегунов. Ты вообще последнее время разболтался что-то. Школьные мероприятия не для тебя: на хор ты не ходишь, правила поведения, видимо, тоже считаешь лишними. Убрать класс перед уроком для тебя тяжкий труд.

Валька встал. Объяснять, что не он сегодня дежурит, было как-то нехорошо: будто ябедничаешь на другого. К счастью, в дверь постучали, и в класс шагнул высокий молодцеватый десятиклассник. Ребята встали.

— Интересно, почему Лисовских не считает нужным вставать, когда входит вожатый?— поинтересовалась Анна Борисовна.

— А я не пионер,— сообщил Петро.

— Но всё равно — Валерий твой старший товарищ...

— Какой он мне товарищ,— сказал Петро.— Он нашей Галке товарищ, они каждый день вместе

на каток бегают. А я ему не пара, двоечник и бездельник...

— Наконец-то ты это понял.

Вожатый Валерий Равенков молча ждал, когда кончится разговор. Потом повернулся к завучу:

— Извините, Анна Борисовна, я помешал. Только одно объявление. Вы, ребята, садитесь.

— Говори, говори, Валерий.— Голос Анны Борисовны заметно потеплел.

— На сегодня был назначен сбор металлолома. Из-за холодной погоды отменяется. Вместо этого члены редколлегии после уроков в пионерской комнате выпускают фотомонтаж. В семь часов вечера совет дружины: о подготовке встречи Нового года. У кого есть предложения и планы, приходите. Всё,— отчеканил Равенков.

— А Галка с тобой на семь тридцать в кино собиралась,— ленивым голосом произнёс Петро.

По классу пронеслись смешки.

Равенков медленно оглядел всех.

— Я хожу в кино и на каток с Галей Лисовских,— отчётливо сказал он.— Это знают все. Что здесь смешного?

Класс притих.

— Дикари,— усмехнулся Равенков.

Когда он скрылся за дверью, Анна Борисовна развернула журнал и объявила:

— А сейчас Лисовских пойдёт к доске и напишет предложение...

К удивлению всех, Петро сделал разбор почти без ошибок. И без подсказок. Несколько раз, правда, он вопросительно смотрел на Вальку: «Так?» — «Так»,— отвечал Валька глазами.

— Ну что же,— сказала Анна Борисовна.— Если бы всегда так, то жить ещё можно. Тройку я

тебе поставлю твёрдую... Пожалуй бы, четвёрку поставила, если бы ты раньше так не плавал.

Лисовских подумал и спросил:

— Вы мне за сегодня или за раньше отметку ставите?

Анна Борисовна глянула на него с подозрением.

— Может быть, ты недоволен? Может быть, поучишь меня, как ставить отметки? Или вообще хочешь сесть на моё место?

— Упаси господи,— серьёзно сказал Петро.

Ребята засмеялись. Анна Борисовна подумала и тоже рассмеялась. Потом сказала:

— Распустились вы, голубчики. Ну ничего, скоро придёт новый классный руководитель, он вас возьмёт в узду.

— А он кто? — спросил Серёжка Кольчик.

— Когда спрашиваешь, надо поднимать руку,— сказала Анна Борисовна.

Руку поднимать Кольчик не захотел, и вопрос остался без ответа.

День бежал быстро. Синева за окном сменилась солнечным блеском холодного дня. Антициклон выскоблил небо, и казалось, что солнце он начистил проволочной щёткой — так оно сияло.

Сашка на переменах не подходил. Было непонятно, дуется он или просто занят своими делами. Во время уроков несколько раз Валька оглянулся, но Бестужев смотрел в тетрадь и не ответил на его взгляд. «А, ерунда,— решил Валька.— Домой всё равно пойдём вместе...»

После русского была история, потом арифметика. Валька не любил этот урок, но любил учителя Матвея Ивановича, пожилого и очень спокой-

ного человека. Матвей Иванович всегда огорчался Валькиной неспособностью к арифметике, но ценил его за старание.

— Математик из тебя, Бегунов, как из меня поэт,— говорил он, разглядывая на доске Валькино решение примера.— Но четвёрку с минусом я тебе поставлю, учитывая твоё прилежание. Этого качества не достаёт очень многим, например Полянскому, который второй урок подряд читает под партой роман Дюма «Асканио» и думает, что я этого не знаю.

Володя Полянский вздрагивал и ронял книжку, класс хохотал, а Валька возвращался на место с четвёркой и был доволен.

Рисование стояло четвёртым уроком. Юрий Ефимович пришёл в класс не сразу после звонка— задержался на три минуты. Он не принёс ни вазы, ни кувшина, ни птичьего чучела. Встал у доски и, дождавшись тишины, сказал:

— Вот что, народ. Дайте волю фантазии. Нарисуйте, кому что хочется. Желательно что-нибудь новогоднее. Договорились?

Класс вразнобой ответил, что договорились, и зашелестел бумагой.

Валька не знал, что рисовать. Ничего новогоднего, кроме заснеженных еловых веток с поздравительной открытки, в голову не приходило. Может быть, сказку какую-нибудь? Каких-нибудь пингвинов и медвежат? Неинтересно...

Вспомнился первоклассник Новосёлов с эскимо. Вот бы нарисовать, как он лопает мороженое и разглядывает в витрине ёлочные игрушки. Но это не для урока.

Так и не придумав, Валька потянул из порт-

феля альбом. Большой, стиснутый учебниками, альбом выползал неохотно. Валька сердито выдернул его и только сейчас увидел, что это не тот, не школьный. Это был альбом, где жили Валькины друзья и корабли. Валька перепутал вчера, когда собирал портфель.

Он с досадой затолкал всё имущество в парту и обратился к соседке Светлане Левашовой:

— Дай листик...

Та заворчала и начала вырывать лист.

— Что у вас случилось? — Юрий Ефимович подошёл и остановился рядом со Светланой.— Зачем ты бумагу терзаешь?

— Я попросил листок,— объяснил Валька.

Юрий Ефимович перевёл на него взгляд.

— Между прочим,— негромко сказал он,— когда разговариваешь, следует встать.

Валька медленно поднялся, с удивлением отмечая, что Чертёжник сегодня немного не такой, как всегда. Он в новом гладко-сером пиджаке, а под пиджаком вместо обычной клетчатой рубашки белая сорочка с новым галстуком. И лицо у него подчёркнуто неулыбчивое и твёрдое.

Раньше на уроках рисования ребята с учителями переговаривались, не вставая и не поднимая рук. Так было удобнее работать. Замечание Чертёжника слегка обидело Вальку, и, встав, он отчётливо повторил:

— Я попросил лист бумаги, потому что мне не на чем рисовать.

— А твой альбом?

— Я оставил его дома.

Юрий Ефимович приподнял брови.

— Кому ты рассказываешь! Я отлично видел, как ты держал его в руках и спрятал в парту.

— Да нет же...— начал Валька.

— Что за фокусы! — Чертёжник откинул крышку парты и вынул альбом.

Валька опомниться не успел, а он уже шагал к столу, на ходу перевёртывая обложку.

И вмиг забыл Валька, что сам хотел показать ему рисунки. Он видел только, что холодный и раздражённый человек вламывается в его тайну.

— Это другой альбом! — почти крикнул Валька.

— Ну и что же? — спросил Юрий Ефимович, поворачиваясь лицом к классу и открывая первый лист. На первой странице был неинтересный и совсем случайный рисунок — портрет соседского кота Яшки. Но дальше...

Дальше было то, что Валька очень берёг. Особенно на последней странице, где он ещё не совсем закончил рисунок мальчика и шхуны.

От обиды стало горячо в горле и глазах. И Валька заговорил торопливо и отчаянно:

— Я ведь ваши картины не разглядываю без спросу! Отдавайте... Не имеете права!

Он не знал, пишет ли Чертёжник картины. Но Юрий Ефимович вдруг резко задержал руку, так и не перевернув лист. И, видимо, почувствовал, что действительно не имеет права, чуть побледнел и положил альбом на край стола.

— Хорошо. Допустим...— сказал он («хор-лошо» — получилось у него).— Но ты тоже не имеешь права являться на урок без необходимых вещей. Работы на вырванных листках я не принимаю. Будь любезен, дай дневник, я напишу, чтобы родители проверяли твой портфель. А заодно поставлю двойку.

— Дневника нет,— с облегчением сказал Валька. Альбом был спасён, и всё остальное казалось неважным.

— Тоже забыл? — поинтересовался Юрий Ефимович.

— Да.

На самом деле Валька не забыл, а оставил дневник дома специально, потому что не успел его заполнить.

— Поразительная рассеянность,— усмехнулся Юрий Ефимович.

— Можете проверить,— сказал Валька.

— Проверять я, очевидно, тоже не имею права. Но я могу написать твоим родителям записку... Впрочем, я боюсь, что из-за твоей забывчивости ты не вспомнишь о ней дома. Может быть, её передаст кто-нибудь другой?

Он без особой уверенности обвёл глазами класс. И тогда случилось непонятное. Просто дикое. Поднялся Сашка Бестужев и лениво сказал:

— Давайте, я передам. Мне по пути...

И удивительно, что ничего не грохнуло, не сломалось. Так же солнце блестело на партах, так же смотрел с портрета Максим Горький. Прогудел самосвал за окном... Почему кругом так спокойно, когда совершается измена?

И сам Валька остался спокоен. Не дрогнул, по крайней мере. Только холодно как-то стало и тоскливо.

— Предатель,— тихонько сказал Валька.

Кое-кто услышал это слово. Юрий Ефимович, во всяком случае, услышал. Он перевёл взгляд с Бестужева на Вальку и предложил:

— Ты, Бегунов, отправляйся в коридор. В классе тебе всё равно делать нечего,— и сел писать записку.

Валька вышел, сел на подоконник и прижался плечом к холодному стеклу. «Зачем Сашка это сделал? Неужели такой сильной была вчерашняя

обида и Сашка захотел отомстить? Да разве так мстят! Это всё равно что ножку из-за угла подставить, подлое такое дело!

Или Сашка подумал, что Валька побоится сам передать записку, и решил отучить его от трусости? Дурак он тогда, только и всего. Но нет, Сашка не дурак. И значит — предатель.

Если бы вчера Вальке сказали, что Бестужев предаст его, он бы засмеялся. Ни за что бы не поверил. Ну, а если бы поверил, то, наверно, места бы не нашёл себе от такого горя. Почему же сейчас он так спокоен? Может быть, потому, что всё равно ничего уже не поделаешь?

Звонок резанул по ушам, но Валька не двинулся. Надо было подождать, когда Чертёжник уйдёт из класса. Подскочили двое ребят из шестого, чтобы выяснить, в каком настроении Петька Лисовских и поможет ли он им решить задачки по физике. Пятиклассник Лисовских был членом физического общества во Дворце пионеров.

Юрий Ефимович, не взглянув на Вальку, прошёл в учительскую. Сразу же выскочил в коридор Бестужев.

— Валька, слушай...

Было просто удивительно, как у него после такого дела хватало наглости лезть с разговорами. Валька пожал плечами и повёл к Петьке шестиклассников.

— Валька...— сказал за спиной Бестужев.

Может быть, в другой момент Вальку остановил бы этот Сашкин возглас. Но сейчас Валька его даже не услышал. С порога он увидел, как Зинка Лагутина листает его альбом, который учитель оставил на столе.

И тут словно взорвалась в Вальке бесшумная бомба. Он прыгнул к столу и размахнулся, чтобы

выбить альбом из Зинкиных рук. Но ей, Лагутиной Зинке, видимо, не было дела до Валькиных переживаний. Она, как коза, отскочила к доске, показала язык и начала вертеть альбом над головой.

Было смешно и, пожалуй, бесполезно гоняться за Зинкой. Валька сдавленно сказал:

— Отдай.

Зинка продолжала улыбаться.

— Ну...— сказал Валька.

Класс, почуяв серьёзное, затихал. Зинка вроде бы тоже поняла, что сейчас не до шуток. Но, наверно, какой-то вредный бес сидел в ней и мешал просто так расстаться со своей добычей. Зинка стрельнула глазами в сторону двери. Валька успел перехватить её взгляд. Они бросились к выходу вместе, но Валька успел заслонить дверь, и Зинка прижалась к косяку.

— Врежь ты ей, Бегунов,— посоветовал Петька Лисовских.

Валька близко увидел Зинкины глаза — испуганные и злые. Он рванул альбом. Зинка выпустила и прижалась к косяку.

Наверно, ничего бы не случилось, если бы Анна Борисовна вошла в класс минутой позже. Зинка успела бы прийти в себя, Валька спрятал бы альбом и успокоился. Но именно сейчас, когда Зинка затравленно моргала и готовилась зареветь, Анна Борисовна возникла на пороге и пожелала узнать, что здесь происходит.

— Я тебя спрашиваю, Бегунов.

— Ничего не происходит,— сказал Валька, тяжело дыша.— Очень много любопытных для одного раза.

Он совсем не думал про Анну Борисовну, когда так говорил. Он думал о тех, кто интересовался его

альбомом. Но ведь она этого не знала. И Валька увидел, как сжались её губы.

Лагутина тихонько захныкала.

— Перестань,— сказала Анна Борисовна.— После уроков во всём разберёмся.— И громко добавила:— После занятий никто не уходит домой. Кого не будет на классном собрании, тот завтра в школу без родителей пусть не является. Прошу это запомнить!

АНТИЦИКЛОН. ВАЛЬКА, ДЕРЖИ ОГОНЬ!

На географии Валька сидел, ничего не слыша. Он был погружён в свои мысли. Впрочем, никаких особых мыслей не было. Просто свалившиеся разом несчастья придавили его какой-то сонливой усталостью. Валька разглядывал сучок на крышке парты и чувствовал, что всё теперь очень плохо.

Свою фамилию он услыхал, когда Светка толкнула его локтем.

— Бегунов,— повторила Оксана Николаевна,— ты что-то слишком уж задумался. Иди-ка отвечать.

Ужасно не хотелось вставать. Однако пришлось. Но идти к доске и рассказывать там про что-то было слишком уж тошно.

— Ты что, не выучил урок?

Валька пожал плечами. Он не помнил, выучил ли. Не всё ли равно? По сравнению с Сашкиным предательством это было таким пустяком.

— Да что с тобой?— Оксана Николаевна смотрела обеспокоенно и удивлённо.

— Со мной?— сказал Валька.

И тогда сзади раздался голос Серёги Кольчика:

— Пусть он сидит, Оксана Николаевна. Неприятности у него...

— Из-за одной дуры,— добавила Левашова и выразительно глянула на Зинку.

— Ну и ну,— медленно сказала Оксана Николаевна.— Ладно, Бегунов, сиди... А ты, Кольчик, отвечать пойдёшь? У тебя нет неприятностей?

— Только одна: не учил я ничего...— мрачно ответил Серёжка, но всё-таки пошёл к доске.

На собрание, кроме Анны Борисовны, пришёл Равенков. Он сел на заднюю парту и шёпотом спросил у Кольчика:

— Что опять натворили?

— Кажется, буфет взорвали,— звонким своим голосом сказал Серёга.

Анна Борисовна посмотрела на него долгим взглядом и постучала карандашом о стол. Потом сообщила:

— Школа у нас новая. И коллектив тоже новый. Вы прекрасно чувствуете и понимаете, что это создаёт свои трудности...

Светка рядом с Бегуновым шумно вздохнула.

— Кто-то вздыхает,— заметила Анна Борисовна.— Видимо, этим он хочет сказать, что я говорю известные вещи. Да, известные. Но я вынуждена их напоминать, раз вы забываете. У нас свои трудности. Не хватает нескольких преподавателей, до сих пор нет старшей вожатой. Вы учились без классного руководителя. Но это ничуть не значит, что можно распускаться и позволять себе, что угодно. Тем более, что вам повезло: у вас отличный вожатый, один из лучших активистов школы. Я не боюсь сказать это при нём...

Все шумно заоборачивались, словно видели Равенкова первый раз.

— Ах, ах...— тихонько сказал Лисовских.

Равенков недовольно опустил глаза и забарабанил пальцами. Шум не утихал.

— Тихо... Тихо! — Анна Борисовна болезненно морщилась.

Валька слушал и не слушал. Всё, что говорилось, было привычным. Привычные слова складывались в привычные предложения: «Вместо того чтобы больше заботиться об успеваемости... Без дисциплины не добиться... Думать о чести школы... Коллектив отвечает за каждого...» И вдруг он услышал про себя:

— А Бегунов позволяет себе такие дикие выходки. Я уж не говорю, что он полностью игнорирует распоряжения школьной администрации, абсолютно плюёт на коллектив: на репетиции хора не является, на сборы тоже... Да ещё заявить своему преподавателю, завучу школы: «Вы слишком любопытны»! Нет, Бегунов, это не любопытство. Это моя обязанность вмешиваться в подобные безобразия и добиваться, чтобы их не было! И будь уверен, что...

Мгновенно вся усталость, всё равнодушие слетели с Вальки. Нужно было отстаивать справедливость! Он вскочил.

— Я не вам говорил, а ей! Она сама...

— Сядь! — Анна Борисовна хлопнула ладонью о стол.— Потрудись хоть сейчас вести себя прилично! Тебя ещё спросят, как это она «сама»... Не хватает даже мужества признаться. Или ты думаешь, я ничего не видела и не слышала?

Валька медленно сел. Но класс уже гудел, и голоса в поддержку Бегунова ясно выделялись в общем шуме.

— Интересно вот что,— перекрывая шум, заговорила Анна Борисовна.— Бегунова защищают те,

кто сам не в числе лучших: Лисовских, Кольчик, Воробьёв... («Раньше она сказала бы ещё: «Бестужев»,— подумал Валька. Но сейчас Сашка молчал.)

Маленький Витя Воробьёв смешно сморщился: «С чего это я в худшие попал?»

— Да-да! И ты, Воробьёв! Ты тоже последнее время распустился... И меня удивляет, почему молчат наши активисты?

— Можно, я скажу?— Эмма Викулова на передней парте вскинула руку.

— Очень хорошо. Скажи.

— Все мальчишки считают, что если они сильные, значит...

Мальчишки подняли гвалт.

Встал Равенков и резко потребовал:

— Тихо! Пять секунд на установку тишины. Раз...

Тишина повисла над партами, тяжёлая, но непрочная.

— Непонятно, почему молчат пионеры,— сказал Равенков.— Почему молчит командир отряда Левашова. Она, кстати, соседка Бегунова по парте.

Светлана встала.

— Я в командиры не просилась. И в соседки к Бегунову не просилась. Пусть Бегунов сам говорит.

— Хорошо, пусть,— согласилась Анна Борисовна.— Говори, Бегунов.

Что говорить? Опять доказывать одно и то же?

— Я уже говорил.

— Мы пока ничего не слышали, кроме грубостей. Может быть, ты объяснишь своё поведение?

— Я вырвал свой альбом. И я не грубил, я про неё сказал.

— А ты не мог не вырывать, а сказать спокойно, чтобы она отдала.

— Будто она понимает! — крикнул Витька Воробьёв.— Она как обезьяна!

— Она дразнилась!.. Сама виновата! — зашумели мальчишки.

— Ти-хо!

— Разрешите, я скажу,— попросил Володя Полянский. И, не дожидаясь ответа, вышел к столу.

Высокий, в отутюженном чёрном пиджачке, подтянутый и какой-то слишком взрослый. Вальке он не нравился. Казалось, что Полянский считает себя умнее остальных и в класс ходит только по необходимости. Говорят, он занимался в драмкружке Дворца пионеров и даже по телевидению выступал. Может быть, Валька не знал.

— Бегунову трудно говорить. Не все умеют говорить, когда волнуются,— сказал Полянский, поглядывая исподлобья на класс.

— Ты зато умеешь,— хихикнула Эмка Викулова.

— Я умею... Я хочу сказать про Бегунова. Получается, будто он какой-то преступник. И в том виноват и в этом. А тут всё просто. Лагутина схватила его альбом. Она знала, что Бегунов не хочет, чтобы альбом смотрели, но схватила... Вот Викулова говорит, что ребята силой пользуются. Это неправда. Бегунов не сильный. И он не дрался, он просто альбом вырвал, чтобы она не смотрела. Даже Юрий Ефимович не стал смотреть, когда Бегунов сказал, а она...

— Постой, постой! — Анна Борисовна встревоженно взглянула на него, а потом на класс.— При чём здесь Юрий Ефимович?

— Сегодня же рисование было.

— Ну и что?

Володя почувствовал, что, кажется, сказал больше, чем нужно.

— Ну и вот... Бегунов попросил не смотреть альбом, и Юрий Ефимович не стал.

— И двойку поставил,— язвительно сообщила Викулова.

— Ябеда,— сказал Кольчик.

— Кто ябеда? Всё равно Юрий Ефимович записку написал!

— Викулова, постой. Какую записку? В чём дело?

— Ну, простую записку. Потому что Бегунов как заорёт: «Не имеете права!»

Анна Борисовна ладонями потёрла щёки.

— Так...— тихо сказала она.— Я просила Юрия Ефимовича быть вашим классным руководителем. Сегодня утром он почти согласился. Хорошо же вы его встретили...

Хотелось есть, но возиться с печкой или плиткой не хотелось. Валька поставил на клеёнку сковородку и стоя жевал холодную жареную картошку без хлеба. Всё равно, лишь бы притупился голод.

Он не включал свет, хотя в кухне стало совсем темно. В окнах стояли сумерки. Ветер притих, но мороз остался.

В коридоре грохнула дверь, и через секунду с клубящимся холодом кто-то маленький ввалился в кухню.

— Валька! Ты дома, Валька?

Андрюшка.

— Ну что?— сказал Валька.

— Можно, я включу свет?

— Я сам.— Он давнул кнопку выключателя. Андрюшкина шуба засияла блёстками инея и начала окутываться паром.

Андрюшка стянул косматую шапку и сообщил:

— Мы сегодня штурм начинаем. Придёшь?

— Какой штурм?

— Крепость будем брать. Я же рассказывал.

Счастливый он человек, этот Андрюшка. Будет штурмовать сегодня снежную крепость, нет у него других забот. Глаза блестят, и щёки розовые от мороза.

— В такой-то холод,— сказал Валька.

— Когда бегаешь, никакого холода нет,— возразил Андрюшка и немного опечалился.— Ты не придёшь, да?

— Я не могу.

— Не можешь...

«Не до крепости мне»,— хотел сказать Валька. Но сказал:

— Я правда не могу. Мне в школу ещё надо. Я, может быть, завтра приду, Андрюшка.

— Ну хорошо. Завтра.— Он помолчал и добавил: — Часов на крепости нет. Плохо это.

— Ладно...

Он закрыл за Андрюшкой дверь. Дома было до тошноты тихо. Отец, как всегда, задержался в техникуме, у мамы — профсоюзное собрание.

Интересно, заходил ли с запиской Сашка? Если заходил, всё равно никого не застал. После классного собрания Бестужев ещё раз пробовал подойти к Вальке. Валька сказал:

— Пошёл к чёрту.

На этот раз, кажется, Бестужев крепко разозлился...

Валька глянул на часы. До семи ещё почти час. Совет дружины в семь. Равенков сказал: «Здесь мы ничего не решим. Не отряд, а базар какой-то. Сами хуже делаете. А ты, Бегунов, придёшь сегодня на заседание совета. Ясно?» И он взглянул на Анну Борисовну.

«Правильное решение,— сказала она.— По крайней мере, там ребята, у которых есть чувство ответственности».

А у класса чувства ответственности нет. Собрание кончилось тем, что мальчишки переругались с девчонками, а про Вальку и про дисциплину говорить никто не хотел.

У Бегунова чувства ответственности тоже нет. Он оторвался от коллектива, нарушил школьную дисциплину, оскорбил нового классного руководителя, а потом завуча, вину свою не осознал и извиняться не захотел.

Часы на стене стучали сухо и отчётливо. Это были большие старинные ходики. Валька посмотрел на них, принёс лист ватманской бумаги и достал тарелку, чтобы вычертить по ней циферблат крепостных часов. Тарелка выскользнула и грохнулась на пол.

Валька постоял, потом задвинул ногой под стол черепки, оделся и вышел из дому.

В чистом тёмно-синем небе светилась россыпь звёзд. Среди этой россыпи дрожала золотая капля. Валька знал — это Юпитер. Вчера он снова смотрел на него в Сашкин телескоп. Видел светлое зеркальце планеты и четыре точки спутников. Вчера... Эх, Бестужев...

Школа работала в одну смену и по вечерам делалась непривычно пустой.

Лестница была полутёмной и гулкой. Валька поднялся на второй этаж. Плафоны в длинном коридоре горели через один, и стоял полумрак. Только открытая дверь пионерской комнаты в конце коридора ярко светилась. Валька пошёл туда, и справа, в чёрных стёклах, двигалось его тёмное отражение.

Часы показывали без двадцати семь.

В пионерской был только один мальчишка. Маленький, но с двумя нашивками. Видимо, четвероклассник. Он стоял у тумбочки с барабаном и щёлкал по нему пальцем. После каждого щелчка над барабаном поднималось облачко пыли.

Когда Валька вошёл, четвероклассник вздрогнул и обернулся.

«Знакомое лицо,— подумал Валька.— На кого он похож?»

— Ты на совет? — спросил мальчишка.

— Да,— сказал Валька и усмехнулся.

— Хорошо. А то меня дежурить тут оставили, пока все не соберутся. Скучно,— пожаловался четвероклассник.

Валька промолчал и сел в углу. Привычная обстановка пионерской комнаты успокоила его. «В самом деле, не съедят же»,— подумал Валька.

Собирались ребята. Почти незнакомые. Пришёл рослый семиклассник с ленивым лицом, толстая девчонка в очках, потом ещё две девчонки — одна из шестого, другая из пятого «Б». Ещё кто-то... Вальке было всё равно. Знакомыми оказались только Олег Ракитин и Зинка. Олег раньше учился в Валькином классе, но потом перешёл в параллельный, чтобы учить английский, а не немецкий язык: английским он с детства занимался.

Интересно, будет Лагутина жаловаться на Вальку или она пришла просто как член совета дружины?

Смотреть на неё не хотелось.

А Олегу Валька обрадовался. Олег ему всегда нравился. Ракитин сам подошёл к Вальке и спросил:

— Зинка не просила помириться?

— Зинка Лагутина? С чего это она будет мириться?

— Ну ладно...— сказал Ракитин.

Валька помялся и спросил:

— Ты откуда про всё знаешь?

— Володька Полянский сказал.

«Володька хороший,— подумал Валька.— Зря я на него косился».

Ровно в семь пришёл Равенков. Мельком, без всякого выражения, взглянул на Вальку. Спросил у собравшихся:

— Почему так мало?

— Не всех предупредили...

— Анархия,— сказал он.

— По-моему, Равенков метит в старшие вожатые,— ни к кому не обращаясь, громко сказал Ракитин.

— Нет,— откликнулся Равенков.— У меня другие планы. Но если понадобится...

Ракитин обернулся к нему и что-то сказал по-английски.

— Очень остроумно, — сердито бросил Равенков.

Олег тихонько засвистел...

Наконец появилась Анна Борисовна.

Разом задвигались стулья, и оказалось, что все сидят у длинного блестящего стола. Лишь Валька остался в углу. Сидел нахохлившись и разглядывал стены с плакатами. Плакаты были знакомые и неинтересные.

— Мало народу,— сказала председатель совета дружины, высокая восьмиклассница с узким строгим лицом.— Будем всё равно начинать?

— Что же делать,— откликнулась Анна Борисовна.— Начинайте. Вы на меня не смотрите, я у вас гостья.

Председательница стояла за столом и вертела в тонких пальцах авторучку.

— Значит, так... У нас два вопроса. Первый — это подготовка к Новому году, а второй — поведение... то есть разбор поведения... пятиклассника Бегунова... Он пришёл?

— Пришёл,— сказал Равенков.

Все заоглядывались на Вальку, а маленький четвероклассник посмотрел на него с удивлением, почти с испугом.

Валька уставился в пол и сжал зубы.

— Ну хорошо...— Председательница вопросительно глянула на Анну Борисовну.— Ты, Бегунов, пока побудь в коридоре, у нас сначала первый вопрос.

Анна Борисовна досадливо поморщилась.

— Подожди, Короткова,— вполголоса заговорила она.— Какой первый вопрос, когда от половины классов нет представителей. Потом об этом.

— Ну, тогда сразу второй... Значит, так. В общем, дело в том, что этот Бегунов... В общем, пусть он сам расскажет. Выйди к столу.

Валька медленно встал.

— Что рассказывать?

— Ты сначала выйди сюда.

Валька подошёл ближе.

— Что рассказывать? — повторил он и почувствовал злость. Он сам не ожидал, что будет злиться, и вот разозлился.

— Совет дружины хочет знать, что ты натворил,— твёрдо сказала председательница, и её красивое лицо стало ещё строже.

— Я думал, вы всё знаете, раз позвали,— ответил Валька, глядя поверх голов.

— Мы знаем,— вмешался Равенков.— Но мы хотим услышать, как ты сам объяснишь это дело.

— Как оцениваешь свой поступок,— подсказала Анна Борисовна и взглянула на Вальку почти доброжелательно.

Вот и всё. Теперь осталось сказать, что он был неправ, погорячился и очень об этом жалеет. И просит простить. И больше не будет. На это уйдёт минута. Ещё минуты три его поругают для порядка и отпустят домой. И сегодня он ещё успеет начертить часы для крепости.

Для той крепости, которую штурмует сейчас маленький капитан Андрюшка. Андрюшка, который нарисован в Валькином альбоме — на берегу, перед возникшим из тумана летучим парусником...

— Никакого поступка не было, — сказал Валька.

Довольно долго все молчали.

— Вот как...— сказала наконец Анна Борисовна.— Ну, а что же тогда было? Видишь, ты молчишь. Не знаешь, что сказать. Наговорить массу непозволительных вещей учителям было легче.

Аккуратная девочка в белом переднике подняла руку и сообщила:

— В той школе, где я раньше училась, мальчишек исключали на две недели, если у них дисциплина плохая.

— Ну, это уж дело педсовета,— заметила Анна Борисовна.— А вы решайте по своей пионерской линии.

— Почему нет Юрия Ефимовича? — вдруг спросил Олег.

— Потому что он сразу после урока ушёл домой и не знает о совете... И что это такое?! — вдруг запоздало возмутилась она.— Обсуждать учителей — не твоё дело.

— Да,— сказал Ракитин.— Я лучше Лагутину буду обсуждать. Почему она молчит? Она-то знает, про кого Бегунов говорил: «Много любопытных развелось...»

— Тебе, Ракитин, слова не давали,— начала председательница.

— А я взял. Потому что я её знаю, Лагутину. Лучше вас. Мы с пяти лет в соседних квартирах живём. Она из-за своей вредности многое может. И сейчас тоже. Ведь знает, а молчит! А тут все сидят и ушами хлопают!

— И я? — спросила Анна Борисовна.— Ты думаешь, что говоришь?

— Я говорю про совет дружины,— не смутился Олег.— Лагутина схватила чужой альбом, довела человека и в ус не дует. Я бы ей вообще башку оторвал.

— Но-но,— сказал Равенков.

— Оторвал бы,— серьёзно повторил Олег.— Чтобы не совалась. Потому что у любого человека бывают тайны. Один человек, например, стихи пишет, другой там... Ну, я не знаю. Не всегда ведь любят люди рассказывать. А она лапает своими руками! И нос суёт. Если я вот сейчас начну рассказывать, как она дома в куклы играет целыми днями, ей ведь тоже не понравится!

— Что ты врёшь! — вспыхнула Зинка.— Сам, наверно, играешь! Дурак!

— Я не вру. Это я для примера...

— Дурак!

— Не нравится? — спросил Ракитин.

— Тихо! — крикнула Короткова.— Ракитин, как ты смеешь!

— А что я сказал?

Зинка вдруг закрыла лицо ладонями и выскочила в коридор.

— Заело, — с мрачной радостью заметил Олег.

— Ракитину, по-моему, здесь не место,— сказала Анна Борисовна.

— Я член совета дружины.

— Боюсь, что ненадолго.

— Пожалуйста.— Ракитин спокойно отправился к двери. С порога сказал: — Слушай, Короткова. Маловато вас. Как голосовать будете?

— Ничего, справимся,— отрезала она. И поинтересовалась: — Всё-таки не понимаю, зачем нужно прятать свой альбом от товарищей?

— От товарищей я не прячу,— сказал Валька.

Анна Борисовна резко повернулась.

— Ты хочешь сказать, что мы, что Лагутина и Юрий Ефимович,— твои враги? Тогда ясно. Значит, ты и на учителя набросился бы, как на Лагутину, если бы он не закрыл твой альбом?

Вот сейчас Валька растерялся. Ничего такого он сказать не хотел и не знал теперь, что ответить. Но Анна Борисовна не ждала ответа.

— В конце концов, ни меня, ни Юрия Ефимовича не интересует твоё отношение к нам как к людям. Но как учителей ты обязан нас уважать. Обязан!

— Учителя и люди разве не одно и то же? — тихо спросил Валька.

— Что? — Она растерянно поднесла руку к подбородку.— Что ты говоришь?

— Ничего,— произнёс он, словно шагая в пропасть.— Я постараюсь... уважать. Раз я обязан.

— Ты думаешь, что ты говоришь?!

Валька думал. Но не ответил.

— Анна Борисовна,— со всей своей вежливостью начал Равенков.— Извините, но по-моему, мы слишком долго говорим об этом... Бегунове.

Валька сам не понял, как это случилось. Будто толкнул его кто-то. Наверно, это прорвалась накопившаяся обида. Он коротко засмеялся и бросил Равенкову:

— С Галкой Лисовских на каток ты всё равно не успеешь.

Несколько секунд все молчали. Даже Равенков, кажется, растерялся. Наконец Анна Борисовна произнесла:

— Ну, вот перед вами весь Бегунов. Во всей красе.— В голосе её слышались довольные нотки. Она словно хотела сказать: «Видите, я не ошиблась».— Решайте,— сказала она.— Видимо, Бегунов не чувствует себя виноватым. Он считает себя героем.

Вот уж героем-то он себя никак не считал!

— Какие будут предложения? — спросила Короткова.

Предложений не было. Молчание затягивалось.

— Веди собрание, Короткова,— сказала Анна Борисовна.

Председательница пошевелила губами и вдруг объявила:

— Тогда я сама. У меня предложение. Мне кажется, все всегда очень долго возятся вот с такими... как Бегунов. Я никак не понимаю: если он такой, как он может быть пионером? Ведь пионер — это же... Ведь он же торжественное обещание давал, а сам нарушает. А раз нарушает, то что делать? В общем, я предлагаю исключить, а потом уж с ним разговаривать, если надо. Вот и всё.

— Что? — шёпотом спросил Валька.

— Вот так,— чётко сказала Анна Борисовна.

— Я согласен,— сказал Равенков.

Они что, с ума сошли? Или так просто, решили попугать?

— Будем голосовать? — спросил у Анны Борисовны Равенков.

Валька медленно шагнул от стола. Маленький четвероклассник смотрел на него с испуганной жалостью. Толстая девчонка шевельнула на столе локтем: словно проверяла, удобно ли будет держать поднятую руку.

— Вы же... не знаете,— тихо сказал Валька,— ничего...

Анна Борисовна взглянула на часы.

— Я полагаю, мы знаем достаточно.

А что они знали?

Разве они знали, как ранним утром он стоял на берегу, счастливый, босой, в мятых, кое-как выжатых штанах и чьей-то сухой рубашке, а перед ним разворачивал строй сводный отряд барабанщиков!

Разве они это знали?

И как полыхало на берегу пламя костра, почти незаметное при солнце, но такое жаркое, что на Вальку несло теплом, как из Сахары. Толстая головешка выстрелила в огне, крошечный пунцовый уголёк вылетел из костра и клюнул Вальку в колено. А Валька даже не дрогнул. Потому что барабанщики уже насторожили палочки, а Сандро потянул с себя галстук, чтобы завязать его на Вальке...

— Может быть, объявить выговор?— лениво сказал семиклассник.

— Что значит «может быть»?— недовольно откликнулась Анна Борисовна.— У тебя такое предложение?

— Ну, предложение.

— Есть ещё предложение: выговор,— сказала она.— Но мне кажется, что Короткова высказалась правильнее. Едва ли выговор заставит его задуматься.

— Кто за то, чтобы исключить?— спросил Равенков.

...А они видели когда-нибудь, как принимают в пионеры под весёлый грохот девятнадцати барабанов?

Девочка в белом переднике подняла руку.

— Раз,— машинально произнёс Равенков.— Что, всего один голос?

— У меня предложение,— начала девочка.

— С предложениями, по-моему, кончено,— полувопросительно сказал Равенков и посмотрел на Анну Борисовну.

— Пусть говорит,— разрешила она.— Говори, Валеева.

— У меня предложение,— сказала Валеева, глядя на плакат «Занимайтесь авиамоделизмом!».— В той школе, где я раньше училась, иногда на месяц исключали, а не насовсем. А потом, если дисциплина хорошая, снова принимали.

— Посмотрим,— сказала Анна Борисовна.— У тебя всё?

Девочка облизнула губы и кивнула.

— Садись.

— Кто за первое предложение?— раздражённо повторил Равенков.— Голосуем... Короткова, считай. Ты же председатель.

— Раз,— начала Короткова,— два...

Толстая девчонка аккуратно укрепила свой

— Вы же... не знаете,— тихо сказал Валька,— ничего...

локоть на краю стола. Девочка в белом переднике медленно подняла полусогнутую ладошку.

Равенков небрежно вскинул руку к плечу, словно останавливал на улице такси:

— Три...

Стойте! Ну что вы делаете!

— Мы всегда очень долго возимся...— повторила председательница и сама подняла руку.

Глядя на неё, проголосовала и всё время молчавшая девочка из пятого «Б».

— Я воздерживаюсь,— сказал семиклассник и коротко зевнул.

— Что так? — с усмешкой спросил Равенков.

— Да так...

— Дело хозяйское,— сухо заметила Анна Борисовна.— Ну а ты, Серёжа, почему не голосуешь?

Маленький четвероклассник сидел, напряжённо приподняв плечи, и молчал.

— Тоже воздерживаешься? — спросил Равенков.

Серёжа помотал головой.

— Значит, против?

Он кивнул, не глядя на вожатого.

— Странно,— произнёс Равенков.

— Это его право,— сказала Анна Борисовна.— Хотя, честно говоря, от Сергея я этого не ожидала.

Четвероклассник сидел всё так же, ни на кого не глядя. Маленький и упрямый. «Спасибо»,— мысленно сказал ему Валька. И в ту же секунду Равенков громко объявил:

— Всё равно большинство.

Значит, всё кончено?

— Встать! — резко скомандовал Равенков.

Все торопливо поднялись, загремев стульями, и Равенков повернулся к Вальке:

— Подойди сюда.

Валька сделал несколько шагов. Трудные были шаги. Ноги стали как неживые.

Равенков дёрнул подбородком, указывая на галстук:

— Сними.

— Не надо,— шёпотом сказал Валька.

— Сними галстук,— отчеканил Равенков.

А на галстуке, на уголке,— маленький огненный прокол. След летучей искры из большого костра.

Если снять — значит, надо забыть про этот костёр?

И про другие костры, значит, надо забыть?

Их разжигали на вырубке, среди мшистых еловых пней. Из-за леса выкатывалась медная луна, повисала над головами и слушала, как трещат сучья. Они трещали так, что барабан, который Валька держал на коленях, откликался лёгким звоном. Если снять галстук, надо забыть про этот барабан?

Он достался Вальке не сразу. Сначала была лишь нашивка на рукаве — синий треугольник с перекрещенными палочками, а барабана не было. И поэтому не раз Валька слышал смех: «Запасной козы барабанщик». Но он не обижался, он доволен был и этим. Хоть и запасной, а всё-таки... А в середине смены за Петькой Бревновым приехали родители, чтобы забрать его с собой в отпуск на Кавказ. Валька перестал быть запасным.

Ему нравилось подниматься, когда лагерь ещё

спал, и вместе с горнистами разбивать на осколки тишину: «Вставайте. Начинается день!» И ещё ему нравились большие линейки, когда барабанщики выходили к флагштоку для торжественного марша. Они вставали растянутой шеренгой, потому что не любили сомкнутый строй: в плотной шеренге трудно двигать руками.

Но сейчас они встали бы тесно-тесно. Если бы найти такой барабан, чтобы рокот его разнёсся за горизонт, и дрожали бы стёкла, и тяжёлые шапки снега в лесах срывались бы с сосен! Чтобы гремела тревога...

Они встали бы тогда локоть к локтю — барабанщики отрядов, барабанщики-сигналисты, барабанщики знаменосной группы. И, глядя в упор на Равенкова, они бы сказали ему...

Валька тихо сказал:

— Не сниму.

Он не снимет. Потому что были походы, когда Валька шёл по пояс в сыром папоротнике и стрелка компаса неуверенно рыскала по траве, а надо было искать дорогу и делать вид, что ты не устал.

И появлялась дорога, и уходила усталость.

Были игры, когда Валька врывался на вершину каменного холма, опрокидывая чужое знамя с намалёванной хвостатой кометой.

И ещё было раннее утро июля, когда на рассвете барабанщики вновь собрались встречать солнце. Просыпались и тихо вздрагивали берёзы. Валька неслышно вошёл в октябрятскую палату, осторожно тряхнул за плечо и поднял на руки тёплого от сна малыша.

И сказал обычные слова:

— Не хнычь. Сам просил вчера.

Тот доверчиво облапил Валькину шею и сонно прошептал ему в ухо:

— Мы не опоздали? Я проснусь сейчас...

Тогда, засмеявшись от неожиданной нежности к маленькому товарищу, Валька прошептал:

— Просыпайся. Будет хорошее солнце...

А кругом было тихо, только малыш, просыпаясь, громко дышал у Валькиной щеки...

Если отдать галстук, значит, сделать, будто ничего этого не было? И не будет?

— Не отдам,— сказал Валька так отчётливо, что пыльный барабан в углу откликнулся тихим гуденьем.

У Равенкова шевельнулся уголок рта. Это была его, равенковская, усмешка. Конечно, это звучало смешно: «Не отдам». Как он сможет, как он посмеет, этот чуть не плачущий пятиклассник!

Равенков протянул руку. Но ещё быстрее метнулась к галстуку Валькина рука и стиснула его в кулаке. У самого узла.

Кулак сжался так отчаянно, что казалось, кожа лопнет на костяшках.

Наступило молчание, тяжёлое и тоскливое.

Равенков слегка пожал плечом.

— Извините, Анна Борисовна. Видимо, придётся применить некоторое усилие.

— Не нужно никаких усилий,— сказала она.— Здесь не спортзал. Что ещё за новости?

Она встала рядом с Равенковым. Он слегка шагнул в сторону, словно уступая своё место и свою роль.

— Бегунов, сейчас же сними галстук,— произнесла она привычно требовательным голосом. Так же она говорила во время урока: «Лисовских, немедленно дай мне дневник... Сергеев, выйди из класса».— Я тебе говорю, Бегунов...

Валька тяжело поднял глаза. Ей навстречу. Она смотрела на него с досадливым нетерпением, но старалась скрыть это нетерпение и казаться спокойной и уверенной.

И вдруг Валька понял, что Анна Борисовна устала. И что ей, наверно, очень хочется скорее уйти домой и, может быть, по дороге ещё надо зайти в булочную, которую скоро закроют; а потом придётся готовить ужин, возиться с посудой и думать о завтрашних уроках... И он, Валька Бегунов, только маленькая частичка многих забот. И, возможно, она вовсе не была уверена, что его следует исключить из пионеров, но, раз уж к этому дело пошло, надо доводить до конца. Надо, потому что нельзя поддаваться слабости и усталости, когда на тебя смотрят ученики.

И на секунду Валька ощутил даже что-то вроде смутной жалости к ней, уставшей и раздражённой. Но чувство это почти мгновенно забылось.

Она хотела от Вальки слишком многого: чтобы он отдал галстук. Она всё ещё не понимала, что он не отдаст, и ждала.

Валька смотрел ей в глаза. Это очень тяжело — смотреть так в глаза человеку, который сильнее тебя. Смотреть и молчать. И мягкий шелковистый узел галстука сжимать в окаменевшем кулаке.

Это, наверно, не легче, чем держать в руке огонь.

Или всё-таки легче?

Или труднее?

Тишина сделалась такая, что стук часов начал нарастать, как грохот молотков.

Или барабанов?

Но когда же это кончится?

И когда стоять так и смотреть он уже не мог,

сзади рванули дверь, и Сашкин голос ввинтился в тишину:

— Валька, не отдавай!

Это было как толчок.

Валька рванулся назад, бросился в дверь. Он успел заметить столпившихся у окна ребят: Володю Полянского, Кольчика, Воробьёва, Петьку Лисовских. И Сашку, отскочившего к косяку. Он увидел их встревоженные лица. Но остановиться не мог. Он пошёл, пошёл вдоль запертых дверей, под слепыми, погасшими плафонами, всё скорей и скорей. И очень хотелось сорваться и побежать, но Валька чувствовал, что нельзя. Бегут те, кто виноват.

И только на лестнице, где никто уже не смотрел вслед, Валька кинулся через три ступеньки. Вниз. Вниз. Вниз...

Он так и не заплакал. Он толкнул низкую дверцу раздевалки, сорвал с крючка шапку, пальто. И только тут заметил, что свободна у него лишь правая рука. Левой рукой он всё ещё стискивал галстук.

Валька стал разжимать кулак. Пальцы словно окоченели и разгибались медленно.

КРЕПОСТЬ. ВАЛЬКА, ПОЖАЛУЙСТА, ВСТАНЬ!

Валька плечом отодвинул тяжёлую дверь, и морозный воздух резанул ему лицо. Валька остановился на крыльце.

Что же делать дальше?

Та упрямая сила, с которой он держался в пионерской комнате, теперь покинула его.

Валька медленно спустился с крыльца, прошёл вдоль школы, свернул в переулок и зашагал наугад, не думая о дороге и доме.

Что же будет дальше? Завтра?

Нет, он ни капельки не жалел, что не отдал галстук. Никаких сомнений тут не было, но и просвета не было тоже.

Чего он добился? Завтра, наверно, всё повторится. Ну, опять галстук не отдаст. Ну и что? Носить его всё равно запретят, если считается, что исключили.

Самое страшное, что никто не поможет. Кто может дать защиту?

А может быть, кто-нибудь защитит? Кто?

Где-то в этом городе живёт Сандро, старый Валькин вожатый. Но где его найдёшь? Забыл Валька летом взять адрес. Так глупо получилось...

Кто ещё?

И вдруг Валька понял, кто поможет. Оксана Николаевна. Она всегда понимает. Надо пойти и всё рассказать. Прямо сейчас надо пойти, ещё не поздно.

Путь до большого зелёного дома на углу Пушкинской показался ему очень коротким и знакомым. И лестница в доме, и дверь, и даже коричневая кнопка звонка в белом колечке. И поэтому вдруг поверилось Вальке, что всё сейчас решится, всё будет хорошо. Он смело вдавил кнопку, и звонок за дверью словно взорвался с резким рассыпчатым треском. Валька вздрогнул и замер, испуганный своей решительностью и этим оглушительным звонком. Но за дверью уже дёргали запор, и вот она открылась. Валька увидел Серёжку.

Того Серёжку, который отказался голосовать за Валькино исключение.

«Брат»,— подумал Валька даже без удивления,

а просто с досадой: как он не догадался в школе. Они с сестрой так похожи...

Ещё скользнула мысль, что он, Валька, видно, долго бродил по улицам, если Серёжка успел прийти из школы и даже переодеться.

Наверно, брат Оксаны Николаевны удивился. Он несколько секунд смотрел на гостя и моргал. Потом смутился и шагнул в сторону, чтобы пропустить Вальку.

Ничего не сказал.

— Здравствуй,— поспешно и растерянно пробормотал Валька. И тут же понял — глупо здороваться, если только час назад виделся с человеком. И вообще всё получилось так глупо и противно. Даже уши начали гореть под шапкой. Зачем он пришёл? Какой помощи он хочет? Чтобы Оксана Николаевна пошла уговаривать завуча?

Ему показалось, что Серёжке известны его мысли, страх его и слабость. И Валька понял, что не переступит порога.

— Оксана Николаевна дома? — спросил он, отчаянно желая, чтобы дома её не оказалось.

— Она скоро придёт,— как-то виновато сказал Серёжка.— Ты подожди. Заходи...

— Нет, я пойду,— пряча глаза, ответил Валька. Было неловко скрывать за пустыми словами главную свою большую тревогу, и оба они понимали это. «Что там было после меня?» — хотелось спросить Вальке, но он знал, что скорей умрёт, чем спросит. Вместо этого он сбивчиво и торопливо сказал совсем другое. И даже обрадовался, что нашёл такие спасительные слова: — Я только спросить хотел... Мы договаривались с Оксаной Николаевной... Один мальчишка с вами на каток хотел ходить. Ему когда можно прийти?

— Да. Я знаю,— оживился Серёжка.— В вос-

кресенье можно. Утром.— И глянул на Вальку с простодушным удивлением: «Значит, из-за этого ты и пришёл?»

— Я передам ему. Я пошёл,— сказал Валька. На лестнице он попробовал даже засвистеть что-то весёлое, но не получилось.

Теперь уже не виделось никакой надежды.

Валька побрёл к дому. Но что делать дома? Не всё ли равно теперь... Он очень устал. Увидел скамейку на пустыре и сел.

Это был пустырь за Андрюшкиным домом. Вернее, уже не пустырь, а молодой садик: из-под снега торчали тощие прутики осенних саженцев.

Валька привалился к спинке скамьи и взял пригоршню снега. Снег был сухой и сыпучий, как песок. Совсем не холодный.

«Никто не поможет»,— подумал Валька.

Даже мама и отец не помогут. Ну что они сделают?

До сих пор при любой беде можно было найти у них защиту. Даже если очень виноват или несчастен, можно было прижаться к отцу и спрятаться от всяких бед.

Один такой случай Валька помнит удивительно ярко.

Был солнечный летний день. Хороший день, потому что все ждали папу. Он должен был вернуться из командировки. Все радовались, и пятилетний Валька радовался. И, наверно, эта самая радость заставляла его прыгать, хохотать и вертеться под ногами. И он довертелся: зацепил на краю стола фаянсовую пепельницу и грохнул на пол.

Стало тихо-тихо, и день потемнел.

Поникший Валька стоял над черепками и не понимал, как это случилось: было всё хорошо и вдруг в одну секунду стало плохо.

Он чувствовал, что совершил ужасное дело. Это была любимая папина пепельница — смешная собака с розовой пастью. Она казалась такой же вечной и прочной, как дом, как деревья, как земля. И такой же нужной. Она была всегда, эта весёлая собака.

И вот — черепки. Из-за Вальки.

Самое страшное было то, что никто не закричал на Вальку, не потащил в угол, не назвал разбойником и хулиганом. Только Лариса деревянным голосом сказала:

— Так, допрыгался. Приедет папа — он с тобой побеседует. Помнишь его ремень?

Валька помнил. Это был широченный ремень с жёлтой пряжкой и аккуратными круглыми дырками в два ряда. Папа никогда не носил его, он точил на нём бритву. Это был ремень для бритвы.

Неужели не только для бритвы?

Придавленный несчастьем, Валька вышел во двор и забрался на чердак. Здесь пахло землёй и сухим деревом. Солнце пробивалось пыльными полосками. По железной крыше стучали клювами воробьи, а за старым сундуком скреблись мыши.

Валька просидел в тесном углу целый час. Или целый год. Он слышал разные голоса: и радостные, и тревожные. И молчал. А потом ему прямо на колено опустился мохноногий щекочущий паук, и Валька, вздрагивая, полез к выходу. Будь что будет. Лишь бы не остаться навсегда в этом сумраке с паутиной и мышиной вознёй.

Медленно двигая ногами, он пошёл в дом. Остановился на пороге и стал смотреть в пол.

— А, явился, преступник,—сказали ему.

Валька глянул туда, где раньше лежали черепки. Черепков уже не было, а на их месте стоял рыжий мохнатый конь. Ростом с большую собаку

Пальму. На блестящих зелёных колёсах. Как настоящий.

Но зачем он здесь, этот конь? При чём здесь конь, если Валька грохнул пепельницу?

И что сейчас будет?

— Валька,— услышал он голос, от которого немного отвык.

И увидел отца.

— Валька, глупый...

Валька зажмурился и бросился к нему. За помощью, за прощеньем. И, прежде чем уткнулся в знакомый жёсткий пиджак, он успел крикнуть:

— Я больше не буду разбивать твоих собак!

И, уже подхваченный большими руками, всхлипывающий и счастливый, он повторил, прижимаясь щекой к отцовскому плечу:

— Не буду разбивать...

— Эх ты, малыш,— тихонько сказал папа.— Ну, перестань.

Валька приоткрыл глаза, посмотрел вниз и сквозь мокрые ресницы увидел блеск золотистой конской гривы.

Но сейчас не заплачешь, не уткнёшься в пиджак. Потому что дело не в фаянсовой собаке. Разве помогут слёзы?..

Конечно, дома придётся всё рассказать. Это неприятно, но не страшно. Лишней беды от этого уже не будет, и помощи тоже. А что делать в школе?

За домом, за снежным валом сугробов слышались ребячьи крики. Там Андрюшка вёл с Толькой Сажиным бой за крепость. Один раз крики стали особенно громкими, потом хрипло затрубил горн, однако сигнал оборвался на половине.

Вальку не трогал шум сражения. Не удивила и наступившая тишина. Он сидел, не чувствуя холода, и не собирался вставать и идти.

И когда вдруг появился перед ним Андрюшка, Валька сразу не понял, что ему надо.

— Валька, встань...

Боже мой, что людям надо? Все только и знают: Валька, Валька, Валька! Оставьте Вальку в покое!

— Ну, Валька...— Голос Андрюшки звучал жалобно и требовательно.

Валька тихо сказал:

— Уйди.

— Ну, Валька. У Павлика идёт кровь.

У кого-то идёт кровь. А при чём здесь он?

— Валька...

Однажды тоже не хотелось вставать. В лагере. Он до двенадцати просидел у костра, а в три надо было подниматься на встречу солнца. А его как свинцом придавило. Но кто-то сказал: «Солнце всходит в три тридцать...» И Валька вскочил. Ведь в самом деле — солнце должно взойти через полчаса. Его не остановишь. Надо встать.

Валька шевельнулся. Потому что в Андрюшкиных словах прозвучало то же требование немедленного подъёма. Ты сидишь, а у кого-то беда. Кровь идёт. Пусть у тебя хоть тысяча несчастий, но у кого-то — ещё одно.

— Ну, Валька. Ну, пожалуйста, встань.

Встань, Валька. Это так же обязательно, как восход солнца.

— Почему у него кровь? — сказал Валька и поднялся. Рывком.

Штурм был горячий, и Павлик, маленький горнист крепости, заиграл боевой сигнал. Он забыл, что у старого горна металлический, а не пластмассовый мундштук.

Была сорвана с губ кожа. Ребята сгрудились у столба под фонарём и бестолково топтались вокруг раненого горниста. Павлик не плакал. Он только наклонил голову, чтобы кровь не пачкала пальтишко, и испуганно смотрел, как чёрные капли дырявят снег.

— Надо же было догадаться...— сказал Валька. Торопливо схватил пригоршню снега и прижал к губам Павлика.

От ладони и от тёплой крови снег таял, превращаясь в кашицу.

— Он даже не заметил сперва, что губы примёрзли,— сказал Толька Сажин.

— Домой надо,— сказал Валька.— Здесь ничего не сделать.

— Домой нельзя,— объяснила Ирка-скандалистка.— Дома ему попадёт.

— За что попадёт? Что ты чепуху городишь! У человека беда, а ему попадёт.

— Нет, правда,— тихонько сказал Андрюшка.— Его всегда за такое ругают.

— Порядочки...— процедил Валька.— А ну, дайте платок. У кого есть?

Платок нашёлся у Ирки. Валька приложил его к губам горниста, но тонкая ткань быстро промокла. Валька снял шарф и прижал его к платку.

— Держи так. Пошли ко мне.

Мысли о сегодняшней беде слегка отодвинулись, дав место тревоге за малыша-горниста.

Они всей толпой ввалились в тесную кухню.

— Тихо вы...— прикрикнул Валька.

Дома ещё никого не было. Он сдёрнул с Павлика пальто и валенки и уложил его в комнате на диван. Вверх лицом. Кровь шла уже не так сильно.

Потом он включил электрочайник.

Малыши сидели в кухне притихшие. Запотевший горн стоял на столе.

— Что теперь с ним будет? — шёпотом спросил Толька Сажин и смешно приоткрыл рот.

— Наверно, жив останется,— сказал Валька.

С тёплой водой он вернулся в комнату. Павлик лежал спокойно, только часто моргал.

— Больно?

Павлик помотал головой.

— Немного потерпи, если будет больно.

Он действовал осторожно и быстро. Убрал платок и куском бинта начал смывать кровь с подбородка и щёк. От вида крови слегка мутило, но это были пустяки.

Главное то, что он, Валька, ожил. Если бы не этот раненый горнист, он до сих пор сидел бы на проклятой заледеневшей скамейке, не зная, что делать. Это просто здорово, что в такую минуту он оказался нужен. Хорошо, что пришёл Андрюшка и потребовал: «Встань!»

И, как награда за то, что он всё-таки встал, к Вальке пришло спокойствие.

Конечно, это было не настоящее спокойствие. Мысль о том, что же будет завтра, не уходила.

Но не было страха.

И не было беспомощности. Словно снежные стены крепости-малютки могли защитить Вальку от всех бед за то, что он спас её раненого бойца.

— Всё,— сказал Валька.— Полежи теперь немного. Больше ничего не сделать. Рот ведь не забинтуешь.

Павлик слегка улыбнулся.

Валька взял его пальто и валенки, вынес на кухню и мокрой щёткой начал стирать с них бурые кровяные капли.

Андрюшка следил за ним напряжённо и молча.

— Что ты меня так разглядываешь? — поинтересовался Валька.

— Я не разглядываю... Валька... Нет, я так...

Что-то тревожило его. И, чтобы как-то отвлечь Андрюшку от беспокойных мыслей, Валька сказал:

— Я договорился, с кем тебе на каток ходить... С моими знакомыми. В общем, можно покупать коньки.

— Хорошо,— откликнулся Андрюшка, но как-то рассеянно.

Тихонько вошёл Павлик.

— Кровь уже не идёт,— сообщил он.

— Ну и порядок. Только иди сразу домой, а то губы на морозе обветреют. И горячего не ешь сегодня...

Он проводил ребят на крыльцо.

— До свидания, Валька! — крикнул уже от калитки Андрюшка.

— До свидания! — громко ответил Валька и прислонился затылком к заиндевелому косяку. Ему казалось, что холод прояснит мысли и поможет во всём разобраться.

Но большого холода не было. Вечер стал пасмурней и мягче.

Это снова двигался на Урал атлантический ветер. Ещё не пришли облака, но воздух уже потерял прозрачность, и звёзды расплывались в мутноватой влаге обмелевшего неба. И только на юго-востоке, пробивая туманную пелену, чисто и гневно сиял Юпитер.

У калитки послышались шаги. Валька знал, что это не Андрюшка и не его друзья. Им незачем было возвращаться. И родители должны были вернуть-

ся позднее. Кто же? Валька не хотел видеть никого. И, не отрывая глаз от яркого Юпитера, он крикнул коротко и зло:

— Кто идёт?

СНЕГ ИДЁТ. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ВОВКИ

Это был Сашка. Он не ответил. Он молча поднялся на крыльцо, поколотил ботинок о ботинок, стряхивая снег, и мимо Вальки прошёл в дом. И уже из сеней сказал:

— Ну, заходи,— будто к себе приглашал.

Валька зашёл следом. Он не злился на Сашку. Он хорошо помнил тот рывок двери и со звоном сказанные слова: «Валька, не отдавай!» Но простить предательство он не мог. Всё равно не мог. Сашка был сейчас не враг и не друг, а будто посторонний человек. Вроде электромонтёра, который заходит раз в год, чтобы проверить, в порядке ли провода и пробки.

— Родителей дома нет,— спокойно сказал Валька.— Но ты не бойся, Бестужев, оставь записку. Я передам.

Сашка неторопливо снял пальто и бросил на спинку стула. Потом снял запотевшие очки и стал протирать их концом шарфа. Это был очень взрослый жест.

— Дурак ты,— произнёс он негромко и как-то лениво.

— Почему? — так же тихо спросил Валька.

Сашка пожал плечами. Потом он надел очки и глянул на Вальку сердито и требовательно.

— Скажи, почему ты решил, что я потащу эту записку к вам домой?

— А куда? — спросил Валька и почувствовал, что глупеет.

— Куда... Ну не всё ли равно куда? В печку, в мусорный ящик. Съел бы, в конце концов... Ну почему ты сразу решил, что я гад?

Валька помолчал.

— Сегодня всё кувырком, — сказал он, морща лоб.— И ты... Не понимаю я...

— Я вижу,— усмехнулся Сашка.— Кроме тебя, наверно, никому в классе такая дурацкая мысль в голову не пришла... Ну, выкинул бы я записку — вот и всё. Я лучше хотел сделать. Чтобы он её ни с кем другим не послал.

— Но это же глупо,— искренне сказал Валька.

— Ну и пусть... Я хотел, чтобы тебе лучше было.

— Он бы всё равно узнал. Проверил бы.

— Когда бы он ещё проверил!..

— Да сразу бы... Знаешь, Сашка, ты записку всё-таки отдай. Так лучше будет.

— А нет её,— сказал Сашка.

— Порвал?

— Он её забрал.

— Кто?

— Чертёжник. Я вышел из школы, а он идёт навстречу. Вот сейчас, вечером. И говорит: «Постой, Бестужев. Я догадываюсь, что ты ещё не успел передать записку». А я злой был и говорю: «Совершенно правильно. Некогда было». А он говорит: «Дай мне её, пожалуйста». Я говорю: «Я её, наверно, потерял».— «А ты поищи, говорит, постарайся. Если нужно будет, я ведь, говорит, могу и другую написать». Я отдал и ушёл.

— Интересно, зачем он так?

— Я не знаю. Я только заметил, что к школе он не один подошёл, а, по-моему, с Ракитиным. А потом Олежка назад повернул. Или мне показалось...

— Да нет, не показалось, наверно...— начал

Валька, обрадованный внезапной догадкой. И вдруг замолчал. Разве об этом надо было говорить! Ведь Сашка — с ним. Это в тысячу раз важнее всяких историй с записками. «Я хотел, чтобы тебе лучше было»... А он-то, чурбан безмозглый...

А если Сашка не простит такую обиду?

— Я знаю,— глуховато сказал Валька.— Ты теперь думаешь, что я дурак и... вообще...

— Конечно,— подтвердил Сашка.— Я поэтому и пришёл. Мне очень нравится беседовать с «дураками и вообще».

Валька облегчённо передохнул.

Сашка зевнул и сообщил:

— Приказано мне завтра, конечно, в школу без родителей не являться. За срыв...

— И что теперь делать?

— Ничего не делать. Сказал отцу, вот и всё.

— А он?

— А он... Расспросил сначала. Потом прогнал: «Что ж ты к Вальке не идёшь, дома торчишь?» Будто я сам не собирался... Да, ещё я забыл рассказать. Лисовских с Равенковым поругались. Тот вышел из пионерской, а Петька говорит: «Ты больше у нас не показывайся, Галка с тобой больше никуда не пойдёт, с таким крокодилом». Все захохотали и ушли...

Валька снова вспомнил полутёмный коридор, высокую фигуру Равенкова, вспомнил всё, что случилось, и тоска опять уколола его.

— Что же теперь будет? Сашка...

— Да, наверно, ничего,— спокойно сказал Сашка.— А что может быть? Галстук-то ты не отдал. Вот если бы отдал, тогда действительно...

— Ну, не отдал... Всё равно они проголосовали. Значит, исключили.

— Ну да, исключили,— усмехнулся Сашка.—

Кто же выгонит человека из пионеров, если ребята против? Ведь отряд против. Это всё-таки наш отряд, а не Анны Борисовны. И не она тебя в пионеры принимала.

— Меня принимал отряд барабанщиков,—хмуро и твёрдо сказал Валька.— На рассвете.

— Ну, я знаю... — Сашка вдруг внимательно и резко взглянул на друга.— Ты говорил. Ну и что? Знаешь, ты всё-таки сам виноват. Ты всё время где-то... — Он покрутил ладонью над головой.

— В мечтах? — понял Валька.

— Ты не обижайся. Но когда только барабанщики да паруса на уме, можно ещё не так влипнуть. А ведь не барабанщики тебя сегодня выручали. И не паруса...

Валька помолчал.

— Выручали и они,— наконец сказал он и всё-таки немного обиделся.— Ты ведь тоже ещё не знаешь...

Ведь в самом деле, не знал Сашка про крепость и про то, как Андрюшка сказал: «Валька, встань». А маленький Андрюшка и большие паруса — это так связано. И барабанщики...

— И всё-таки... — тихо и упрямо сказал Сашка.

— Ну ладно... — сказал Валька.

Сашка натянул шапку:

— Ты меня проводи.

Они медленно шли к Сашкиному дому. Уже не было звёзд, и сыпал снег. Западный циклон прогнал пронзительный холод, и, казалось, весь город вздохнул спокойно и дремлет теперь под медленным мягким ветром. Деревья вновь развешивали белые кружева. Ступени Сашкиного крыльца были сплошь под снегом.

— До завтра,— сказал Сашка. И вдруг неловко протянул ладонь.

Это было их первое рукопожатие. В последний миг между ладонями скользнула колючая снежинка, но тут же превратилась в тёплую каплю.

Валька шагал по улице. Он не торопился домой, шёл просто так. Иногда он поднимал лицо, и снежинки щекотали ему лоб и щёки. Скоро снег пошёл мелкими хлопьями. В газонах, среди веток низкого кустарника он застревал пушистыми клубками, и казалось, что там прячутся крошечные зайчата.

А под одной из берёз Валька увидал на снегу портрет. Крона дерева защищала его от снегопада. Нарисован был тонконогий урод с мрачным лицом и руками-граблями. И стояла подпись: Вовка.

Валька пожалел неизвестного Вовку, перегнулся через штакетник и пальцем нарисовал на его лице улыбку.

Потом тронулся дальше и, сам не зная как, вышел к школе.

Подошёл к крыльцу. Маленький ветер крутил у ступеней снежинки и какие-то клочки бумаги.

Валька поднял клочок и разобрал обрывки слов: прид... рисовани... альб...

Он сразу понял, что держит в руках обрывок записки Чертёжника. Видимо, прямо здесь, не отходя, Юрий Ефимович разорвал её.

Валька поискал глазами и заметил ещё два клочка. А больше не нашёл. Видимо, ветер уже разнёс их по всему кварталу, а снег припорошил и спрятал от глаз. И теперь, наверно, никто на свете не сумел бы отыскать все эти обрывки, сложить и прочитать записку.

— Вот и всё,— сказал Валька. Повернулся и зашагал вдоль школы.

В коридоре нижнего этажа горел свет. Он падал

из окон на заснеженный тротуар неяркими полосами. Чем дальше от школы, тем больше эти полосы расширялись. Они лежали на незатоптанном снегу, словно редкие жёлтые клавиши громадного пианино.

У последней полосы, на границе тени и света, маячила маленькая меховая фигурка.

— Андрюшка,— сказал Валька издалека.— Ты чего?

— А ты чего? — откликнулся Андрюшка. Он старался сказать это независимо, но получилось нерешительно и даже немного жалобно.

Валька подошёл.

Андрюшка смотрел на него выжидательно и тревожно.

— Я гуляю,— тихо сказал Валька.

Андрюшка вздохнул:

— И я...

«Эх, ты!» — подумал Валька сразу про себя и про Андрюшку.

— Давно? — спросил он.

— Давно. Как ты,— честно сказал Андрюшка.

— Ну, пошли.

— Куда?

— Гулять,— усмехнулся Валька и протянул руку. Рука была без варежки.

Андрюшка сдёрнул вязаную рукавичку и вложил в озябшую Валькину ладонь свою ладошку — маленькую и горячую.

Так они и пошли, держась за руки, словно два маленьких мальчика. Никто не мог над ними посмеяться: улица была пуста, и только для Андрюшки и для Вальки горели фонари, окружённые светлыми облачками летящего снега.

— Завтра будет совсем тепло,— сказал Андрюшка.— По радио говорили.

— Западный ветер,— откликнулся Валька.

— Значит, будет липкий снег. И мы будем строить корабль. Из снега хорошо получится. Можно вот такие борта сделать.— Андрюшка вскинул над шапкой свободную руку.

— Ледокол? — спросил Валька.

— Ну нет... Просто корабль. С мачтами. Как у тебя в альбоме.

— А паруса? — сказал Валька.— Из снега ведь не сделаешь паруса.

— Не сделаешь,— вздохнул Андрюшка.— Ну, мы без парусов. Будто кругом шторм. Когда шторм, паруса убирают. Да, Валька?

— Не всегда,— сказал Валька.— Кое-что оставляют в любой шторм. Хотя бы кливер... Но на кливер можно найти материю.

— Валька... — нерешительно начал Андрюшка.— Знаешь что...

— Знаю. Нарисовать корабль, чтобы легче делать было. Правильно?

— Нарисовать, — согласился Андрюшка. — Только ещё знаешь что?

— Что?

— Мы очень хотим, чтобы ты был у нас шкипер...

«Шки-пер»,— без усмешки повторил про себя Валька.

— Будешь? — спросил Андрюшка.

— А кто хочет? — поинтересовался Валька.— Кто «мы»?

— Павлик, Ирка, я, Юра... Все.

— Даже Ирка? — усмехнулся Валька.— Ты, Андрей, врёшь. Она сама метит в капитаны.

— Не вру.— Андрюшка вырвал руку.— Вот честное октябрятское. Хочешь, за звёздочку возьмусь?

Звёздочка была под шубой с тугими застёжками.

— Ну всё равно.— Андрюшка ухватился за шарф.— Видишь, за красное держусь. Значит, не вру... Будешь?

Глядя в снежную глубину улицы, Валька сказал:

— Буду.

— Правда?

— Я же сказал...

Видно, не совсем верилось Андрюшке, потому что был сегодня Валька немного странный.

— Честное пионерское?

Валька сбил шаг. Ноющая, как зубная боль, тревога опять всколыхнулась в нём.

Тогда Валька прищурился и глянул вдаль. Когда так смотришь, можно увидеть всё, что угодно.

Валька увидел барабанщиков.

Их было гораздо больше, чем там, в лагере. Они стояли сомкнутым строем. Насторожённо вскинув палочки. Готовые обрушить лавину боевого грохота. И за этой тревожной готовностью Валька был как за крепкой стеной.

Он переглотнул и обыкновенным своим голосом сказал:

— Честное пионерское... Знаешь, Андрюшка, пойдём потихоньку к дому. Согласен?

— Да, капитан.

И тогда Валька засмеялся.

Он засмеялся негромко. Не над Андрюшкиным ответом. Он вспомнил.

До сих пор он был просто спокоен. Но чтобы нормально жить, человеку мало спокойствия. Нужна ещё какая-то радостная звёздочка, чтобы она светила впереди. И Валька вдруг подумал, что, несмотря на всё случившееся, его ждёт альбом с незакончен-

ным рисунком «Легенды океана». Мальчик на берегу и стремительный парусник в опасной близости от каменных плит. Они ждут, как и раньше, чтобы мучить и радовать Вальку...

Снег всё сыпал и сыпал на тротуары и газоны. Однако портрет неизвестного Вовки рядом с большой берёзой был ещё хорошо виден. Дерево охраняло его от снегопада.

Несмотря на улыбку, Вовка с волосами-рожками и загребущими руками был совсем несимпатичен.

Валька вытащил из кармана варежку и двумя широкими взмахами уничтожил кривые буквы.

— Зачем? — удивился Андрюшка.

— Так... — сказал Валька.

Какой-нибудь Вовка, наверное, и заслуживал такого портрета. Но на свете много тысяч Вовок, и они-то совсем не виноваты.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для младшего школьного возраста

Крапивин Владислав Петрович

ВАЛЬКИНЫ ДРУЗЬЯ И ПАРУСА

Повесть

Ответственный редактор Л. Р. Баруздина. Художественный редактор А. В. Пацина. Технический редактор О. В. Кудрявцева. Корректоры Э. Л. Лофенфельд и Т. Ф. Юдичева. Сдано в набор 8-VI 1967 г. Подписано к печати 19-VIII 1967 г. Формат 60×84 1/16. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. (Уч.- изд. л. 6,25). Тираж 100 000 экз. ТП 1967 № 231. Цена 33 коп. на бум. № 1.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 879.

Цена 33 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»